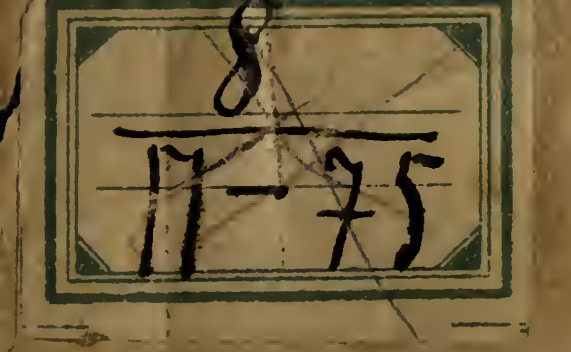

БЫЛОЕ
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Наканунѣ русской революціи.

ЗИНАИДА ЖУЧЕНКО

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

А. В. ПРИБЫЛЕВА.

Издательство „БЫЛОЕ".

БЫЛОЕ
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.
Издается редакціей журнала „БЫЛОЕ“.

Печатаются и готовятся къ печати:

Изъ серіи „1 марта 1881 года“.

1. А. И. Желябовъ. Матеріалы для біографіи и характеристики. Его показанія и заявленія. Письма. Воспоминанія о немъ современниковъ.
2. С. Л. Перовская. Біографическій очеркъ. Показанія. Воспоминанія о ней.
3. Н. И. Кибальчичъ. Матеріалы для біографіи и характеристики. Его показанія и заявленія. Его проектъ воздухоплавательнаго аппарата.
4. И. І. Гриневицкій. Воспоминанія о немъ.
5. Геся Гельфманъ. Біографическій очеркъ В. И. Іохельсона съ приложеніемъ ея показаній и заявленій.
6. Прокламаціи и воззванія, изданныя въ связи съ дѣломъ 1-го марта 1881 года.
7. Владиміръ Соловьевъ и 1 марта 1881 года. По неизданнымъ даннымъ.

Изъ серіи „Рабочіе—соціалисты“.

1. Жизнь русскаго рабочаго полвѣка тому назадъ. Автобіографія рабочаго соціалиста Герасимова.
2. Ткачъ Петръ Алексѣевъ и его рѣчь.
3. Степанъ Халтуринъ и „Сѣверно-русскій рабочій союзъ“.

Изъ серіи „Декабристы“.

1. 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. Разсказы участниковъ.
2. Возстаніе Черниговскаго полка. Разсказы участниковъ и воспоминанія.
3. К. Ѳ. Рылѣевъ. Воспоминаніе о немъ Н. А. Бестужева.
4. П. И. Пестель. Біографическій очеркъ Н. П. Сильванскаго.
5. П. Г. Каховскій. Эпизодъ изъ исторіи декабристовъ П. Е. Щеголева.

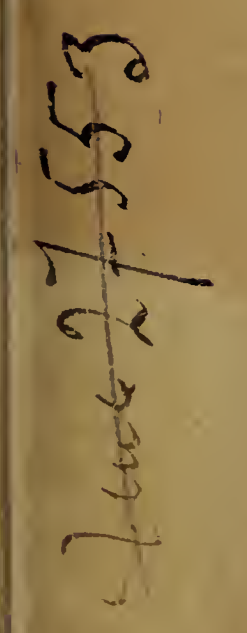
БЫЛОЕ
ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Наканунѣ русской революціи.

ЗИНАИДА ЖУЧЕНКО

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

А. В. ПРИБЫЛЕВА.

Издательство „БЫЛОЕ“.

Тип. Петр. Ком. Военно-Техн. Пом., Разъѣзжая, 43.

1. Змѣя.

Настоящія воспоминанія составлены мною подъ свѣжимъ, еще не успѣвшимъ остыть, впечатлѣніемъ.

Въ нашу долгую жизнь неоднократно приходилось сталкиваться съ разнообразными извращеніями нравственной природы человѣка, и тѣмъ не менѣе на меня и моихъ близкихъ друзей тотъ фактъ, о которомъ я хочу разсказать здѣсь, фактъ неслыханнаго, глубокаго паденія личности, подѣйствовалъ необыкновенно удручающе. Онъ былъ бы способенъ вызвать разочарованіе, если не во всѣхъ основахъ обще-человѣческой нравственности, то во всей моральной природѣ вещей переживаемой нами эпохи. Впечатлѣніе получилось такое сильное, незабываемое, потому что фактъ этотъ не былъ единиченъ, а стоялъ въ ряду ему подобныхъ, какъ связующее звено общей ихъ цѣпи; оно было сильно еще потому, что на сцену на этотъ разъ выступила женщина, и женщина образованная, способная оцѣнить правильно какъ свои собственные поступки, такъ и всю совокупность наличныхъ условій. Притомъ же ея дѣятельность не была вынужденной подъ угрозой предстоящей гибели, по крайней мѣрѣ, въ описываемый періодъ, а сознательной, обдуманной и расчитанной. И русская жизнь, и русская литература пріучили общество смотрѣть на русскую женщину съ особымъ уваженіемъ; типы, созданные Некрасовымъ, Тургеневымъ, Толстымъ, съ такой яркостью были подтверждены самой жизнью, что въ воображеніи общества невольно создался извѣстный ореолъ вокругъ ея чела. Тѣмъ болѣе въ представленіи русскихъ революціонеровъ никогда не могло создаться картины, извращающей этотъ образъ; они могли видѣть въ женщинѣ только беззавѣтную преданность идеѣ, безупречную честность на все готоваго товарища. Слишкомъ многіе примѣры изъ эпохи русской освободительной борьбы стараго и новаго времени укрѣпляли въ ихъ умахъ это положеніе. Но развращающая система сыска разбила эти настроенія; она выдвинула на свою сцену и женщину, втянувъ ее въ водоворотъ самыхъ низкихъ и отвратительныхъ профессій. Воспитавъ сперва изъ подонковъ общества женщинъ-филеровъ, эта система дошла, наконецъ, до женщины-провокатора, въ роли которой могла выступить только личность не глупая, воспитанная, даже по своему интеллигентная, но безъ какихъ-либо

моральныхъ устоевъ, съ самыми низменными нравственными понятіями.

Жизнь порождаетъ системы, система воспитываетъ личности. Протестующіе элементы общества выдвигаютъ борцовъ за освобожденіе, нерѣдко прибѣгающихъ къ самымъ крайнимъ средствамъ за невозможностью довольствоваться мирными; абсолютизмъ, съ своей стороны вооруженный всѣми данными для побѣды, вербуетъ изъ самыхъ низовъ общества агентовъ, и, снабдивъ ихъ всѣми преимуществами въ борьбѣ, толкаетъ ихъ на провокаціонную дѣятельность. Эксцессы этой неравной борьбы понятны со стороны побѣдителей, хотя, быть можетъ, до тѣхъ поръ никто еще не пользовался этими средствами въ такой полнотѣ и безцеремонности, какъ отжившій нынѣ абсолютизмъ нашей родины.

Гораздо интереснѣе психологія тѣхъ лицъ, которыя брали на себя эту исполнительную роль въ предначертаніяхъ былого абсолютизма, интересны тѣ побудительныя причины, которыя подталкивали ихъ на это и, въ той же мѣрѣ, любопытно ихъ самочувствіе и степень удовлетворенности.

Ее зовутъ Зинаида Федоровна Гернгросъ-Жученко и происходитъ она изъ дворянской, почти аристократической семьи, члены которой нерѣдко занимали отвѣтственный и высокій постъ. Одна дама, повидимому, изъ той же фамиліи, была въ свое время извѣстной филантропкой, много потрудившейся на пользу обездоленныхъ и несчастныхъ. Про нее много говорили въ доброе старое время, какъ про человѣка, съ необыкновенной искренностью входившаго въ тюрьмы и много облегчавшаго положеніе узниковъ. Она имѣла въ виду преимущественно тѣхъ изъ нихъ, кто томился за служеніе идеѣ.

Не по стопамъ ея, быть можетъ, своего недавняго предка, пошла героиня моего очерка. Какъ разъ наоборотъ всю изворотливость своего ума она положила на то, чтобы наполнить тѣ же тюрьмы наибольшимъ количествомъ тѣхъ же узниковъ за ихъ—умѣлое или нѣтъ—служеніе идеѣ. И сколько при этомъ невинныхъ жертвъ послано ею и въ тюрьмы и въ ссылку,—вѣдь, гдѣ рубятъ лѣсъ, летятъ и щепы,—а, можетъ быть, и туда, гдѣ нѣтъ ни печали и ни воздыханія!

Только одну категорію людей оберегала она отъ несчастій всѣми доступными ей мѣрами—своихъ сослуживцевъ по охранѣ, если удавалось узнать, что имъ грозитъ разоблаченіе. Да! Въ своей службѣ темнымъ силамъ она вела себя добросовѣстно, не спотыкаясь, не измѣняя себѣ и нещадно душа все свѣтлое и невинное!

Она—очень высокаго роста и очень худощава; правильное, симпатичное лицо съ высокимъ лбомъ обрамлено свѣтлыми, не густыми волосами. Золотые, подъ цвѣтъ волосъ, очки никогда не покидаютъ ея носа. Сквозь нихъ виднѣются сѣрые, слегка какъ бы задумчивые, всегда смотрящіе прямо и увѣренно, глаза. О, эти глаза, невѣрное зеркало души, таившіе въ себѣ столько змѣинаго лукавства, погубившіе столько невинныхъ

жертвъ и никогда не выдававшіе себя ни единымъ движеніемъ, ни малѣйшимъ блескомъ своихъ глубокихъ зрачковъ!

Узкія плечи, длинныя, тонкія руки и выдающіеся углы лопатокъ очень портятъ ея фигуру. Только привычка держаться, зная слабыя стороны своего сложенія, скрадываетъ то непріятное впечатлѣніе, которое сближаетъ ея извивающееся тѣло съ хитрымъ пресмыкающимся.

Въ ея манерѣ держаться съ окружающими чувствовалось кое-что, привитое институтомъ. Но этотъ институтскій отпечатокъ сильно маскировался привычками, пріобрѣтенными въ долгіе послѣдніе годы, когда ей пришлось вращаться въ средѣ молодежи и особенно радикальной. Иногда у нея прорывались разные вздохи и ахи, часто она черезъ чуръ выразительно обнаруживала свои привязанности, что напоминало институтскія „обожанія“, такъ же точно, какъ иногда, помимо ея воли, у нея вырывались и рѣзкія отзывы о лицахъ, почему-либо ей въ данную минуту непріятныхъ; но всѣ такія необычныя для ея среды выраженія чувствъ однако же не останавливали на себѣ вниманія и всегда легко объяснялись полученнымъ ею свѣтско-институтскимъ воспитаніемъ.

Въ общемъ она была очень мила, всегда и на всѣхъ производила настолько пріятное впечатлѣніе, такъ старательно располагала въ свою пользу, что люди, впервые приходившіе съ нею въ соприкосновеніе, скоро начинали относиться къ ней съ полнымъ довѣріемъ и охотно открывали передъ нею свои планы и мысли. Правда, этому много способствовало завоеванное ею положеніе и связанныя съ нимъ полномочія и освѣдомленность о ходѣ общихъ дѣлъ. Это ставило ее въ условія руководителя по отношенію ко вновь являющимся. И пользуясь своими внѣшними преимуществами, въ связи съ завоеваннымъ положеніемъ, ей легко было каждому внушить къ себѣ и довѣріе, и уваженіе.

Почти всегда ровная, спокойная и разсудительная, нерѣдко веселая, она пользовалась неизмѣннымъ успѣхомъ, а ея какъ бы искренняя сердечность и кажущаяся теплота отношенія къ людямъ вообще невольно вызывали симпатію и сочувствіе окружающихъ. Самый возрастъ ея много способствовалъ пріобрѣтенію желаемаго вліянія. Онъ ставилъ ее на ряду съ пожилыми людьми, приближалъ къ старому поколѣнію 80-хъ и даже 70-хъ годовъ; съ другой стороны, сравнительно, еще недавніе 30 лѣтъ дѣлали ее достаточно юною, чтобы сближаться съ самымъ молодымъ поколѣніемъ, лишь начинающимъ работать въ партійныхъ организаціяхъ. Среди первыхъ она всегда интересовалась ихъ прошлымъ, ихъ минувшей дѣятельностью и выдающимися людьми ихъ времени; біографіи, характеристики и дѣятельность послѣднихъ знакомили ее съ исторіей, пережитой страною въ ихъ лицахъ; со вторыми она была не прочь развлечься доступными удовольствіями, поболтать на свободѣ о пустякахъ, иногда подурачиться. Первые видѣли въ ней интересъ къ прошлому, обогащающій опытомъ, и желаніе извлечь изъ недавней исторіи

наилучшіе пріемы тактики; вторые смотрѣли на нее, какъ на болѣе опытнаго друга, пріятнаго и полезнаго, всегда охотно выслушивающаго объ ихъ нуждахъ, какъ на лучшаго посредника между ними и болѣе высшими, не всегда доступными имъ сферами.

Отличительной чертой ея была дѣловитость, соединенная съ величайшей скромностью, иногда доходившей до самоуниженія. Такъ, въ періодѣ кипучей конспиративной работы она никогда не брала на себя окончательнаго рѣшенія какого-нибудь вопроса, открыто признавая себя для этого некомпетентной. Такъ бывало и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она была для того достаточно уполномочена своими связями и положеніемъ. Эта разсчитанная, искусственная скромность не мѣшала ей выражать всегда вполнѣ искренній интересъ къ дѣлу, какого бы мелкаго калибра оно ни было. Всегда подвижная, дѣятельная, она охотно брала на себя любую работу, необходимую въ данную минуту и исполняла каждую свою обязанность тщательно и вдумчиво. Еще бы! Вѣдь это обогащало ея багажъ для ея начальства и въ то же время завоевывало ей репутацію среди товарищей! Обладая хорошей памятью, она являлась на выручку въ каждый данный моментъ, какъ ходячая справочная книжка. Понимая, съ какой опасностью для нея было бы сопряжено настойчивое проникновеніе въ наиболѣе тѣсные круги организаціи, въ наиболѣе интимныя отношенія освѣдомленныхъ лицъ, она предпочитала быть скромною, оставаться въ нѣкоторой тѣни, въ сторонѣ. Она довольствовалась тѣмъ, что выпадало ей по праву, въ силу занимаемаго ею поста. Не дѣлая явныхъ попытокъ, не выражая рѣзкаго стремленія проникнуть въ центральные слои организаціи, она тѣмъ самымъ завоевывала себѣ бо̀льшую степень довѣрія. Рядомъ съ этимъ для нея открывался широкій доступъ въ низшіе и средніе слои партіи, что и доставляло ей широкое поле освѣдомленности.

Она достигала безъ труда того, чего хотѣла. Къ намѣченной цѣли шла увѣреннымъ шагомъ, не уклоняясь въ сторону, не колеблясь передъ выборомъ средствъ. А эта ея сокровенная цѣль оставалась полнѣйшей тайной для всѣхъ окружающихъ. Каждый шагъ ея, каждое движеніе было расчитано на то, чтобы не обнаружить своей истинной роли, своего подлиннаго образа мысли и своей дѣятельности. Скрыть свою душу, спрятать себя подъ скромнымъ видомъ полной благонадежности было ей необходимо прежде всего. Но также было необходимо проникнуть, по возможности, въ таинственные планы окружающихъ ее друзей и получить наибольшую освѣдомленность о ходѣ ихъ безконечныхъ предпріятій. И то, и другое удавалось ей въ совершенствѣ. Нужно было лишь прикинуться другомъ своихъ враговъ, слиться съ ихъ интересами, воспринять цѣликомъ образъ ихъ жизни; необходимо было отрѣшиться отъ своего характера, своихъ привычекъ, всей своей индивидуальности и надѣть личину врага, скорѣе жертвы, съ горячностью раздѣлять ея образъ мысли, любить

чего не любишь, поклоняться ненавистному, ненавидѣть любимое... И это вѣчное притворство стало ея второй натурой. Она такъ вошла въ свою роль, что, казалось, слилась съ жизнью этой молодой радикальной среды. Казалось, у нея не было другихъ друзей, не было другихъ интересовъ, другихъ заботъ; казалось, она посвящала все свое время интересамъ этой среды, и даже личныя привязанности повидимому были имъ подчинены... Эта кажущаяся преданность дѣлу, вмѣстѣ съ ея положительными качествами, ставили ее наряду съ солидными работниками и укрѣпляли за ней репутацію вѣрнаго и надежнаго товарища.

А окружающая ее среда обманутыхъ друзей, людей настроенныхъ по преимуществу идеально, воистину отличалась избыткомъ довѣрчивости. Въ ихъ умахъ не вмѣщалось подозрѣніе въ зломъ умыслѣ товарища столь близкаго; чистые сами, они склонны были усматривать только чистоту побужденій у другихъ. Нуженъ былъ рѣзкій фактъ, неопровержимое доказательство измѣны, чтобы нарушить это ихъ установившееся равновѣсіе. А этого факта, этого доказательства не обнаруживалось. На это именно и была употреблена вся змѣиная ловкость, вся осмотрительность и изворотливость человѣка опытнаго, многіе годы игравшаго свою роль, въ совершенствѣ изучившаго всѣ изгибы дѣтски наивной, довѣрчивой и любвеобильной души революціонера того времени. Къ тому же дѣло шло о женщинѣ, женщинѣ образованной, воспитанной, на которую радикальная молодежъ привыкла смотрѣть, какъ на существо, еще не запятнавшее себя во всю исторію русскаго движенія близкими отношеніями съ системой сыска.

И подлинно, это первое появленіе на сценѣ провокаціи и шпіонажа русской интеллигентной женщины является доказательствомъ окончательнаго развала жизни, полнаго отсутствія принциповъ морали въ управленіи, точнѣе въ „охранѣ“ государства и окончательнаго разброда всѣхъ общественныхъ элементовъ.

Дальше идти было некуда.

Прибывши изъ-за границы въ 1905 году въ Москву, Жученко, какъ она говоритъ сама, усиленно работала въ періодъ декабрьскаго возстанія, имѣя связи съ отдѣльными членами организацій. Послѣ усмиренія возстанія, въ 1906 г., она является уже членомъ боевой организаціи областного комитета, гдѣ исполняетъ роль секретаря. Отсюда ея извѣстность, какъ партійнаго работника, доходитъ до обл. комитета, и ее намѣчаютъ секретаремъ его, каковымъ она и становится приблизительно въ концѣ 1907 г. и пребываетъ таковымъ вплоть до новаго 1909 года.

Послѣдующіе краткіе очерки отдѣльныхъ эпизодовъ партійной жизни въ Москвѣ собраны мною, поскольку позволяетъ мнѣ память, для освѣщенія участія въ нихъ Жученки, какъ шпіона и провокатора. Они отнюдь не претендуютъ на всесто-

роннее освѣщеніе дѣятельности этого Азефа въ юбкѣ въ періодъ 1901—1909 годовъ, какъ потому, что далеко не вся ея многогранная дѣятельность была мнѣ извѣстна, такъ и потому, что не все, проходившее передъ моими глазами въ то время, детально сохранилось въ моей памяти. Часть разсказываемаго мною о ея подвигахъ потомъ была подтверждена самой Жученко, въ ея до наглости откровенныхъ показаніяхъ; въ другихъ же эпизодахъ ея участіе является несомнѣннымъ лишь по предположеніямъ, вслѣдствіе логическаго сопоставленія фактовъ.

Но прежде всего нѣсколько ея собственныхъ словъ о ней самой.

Наше личное знакомство съ Жученко относится къ 1907 году. Встрѣтившись однажды съ моей женою, она откладывала это знакомство до болѣе благопріятнаго момента. Но разъ таковое завязавъ и видя съ нашей стороны полное расположеніе къ ней, основанное на большомъ количествѣ партійныхъ рекомендацій, она старалась какъ можно больше углубить это знакомство и скоро стала однимъ изъ наиболѣе частыхъ нашихъ посѣтителей. При этомъ она не могла обойтись безъ того, чтобы не затрагивать часто вопросовъ ея личной жизни, безъ чего не могло бы установиться желаемыхъ для нея интимныхъ отношеній. И вотъ что она разсказывала о себѣ, стараясь одновременно установить свою репутацію и вызвать къ себѣ наибольшее сочувствіе.

Она бывшая воспитанница какого-то извѣстнаго института, потомъ московская курсистка, въ 90-хъ годахъ попавшая въ ссылку на Кавказъ, послѣ продолжительнаго сидѣнія въ одиночкѣ. На Кавказѣ она лечилась сама и ухаживала за случайными больными. Среди послѣднихъ она встрѣтилась со своимъ будущимъ мужемъ, больнымъ и безпомощнымъ, котораго знала еще раньше, живя въ Москвѣ, и за котораго вышла впослѣдствіи замужъ, не столько изъ любви, сколько изъ жалости и человѣколюбія.

Послѣ рожденія сына, ея жизнь съ мужемъ дѣлалась все болѣе и болѣе невыносимой. Страдая туберкулезомъ, онъ сталъ проявлять и признаки психическаго разстройства, что особенно тяжело сказывалось на ней изъ-за боязни не столько за себя, сколько за сына. Простые припадки неуравновѣшенности, а затѣмъ и жестокой ревности дошли постепенно до изступленія бѣшеной ненависти и истязательства. Онъ связывалъ ее по рукамъ и ногамъ и предавалъ изощреннымъ пыткамъ, что она терпѣла изъ-за любви къ сыну. Это мучительное существованіе окончилось только со смертью мужа въ припадкѣ умоизступленія. Эта смерть развязала ей руки тѣмъ больше, что отъ мужа ей осталось небольшое состояніе, дающее ей возможность отнынѣ существовать безбѣдно. Она тотчасъ же выѣхала заграницу, гдѣ прожила 7 лѣтъ, постепенно отдыхая отъ пережитыхъ страданій и воспитывая сына.

Наступила пора русскаго освободительнаго движенія 1905 года. Оправившись къ этому времени отъ всѣхъ треволненій, она почувствовала себя не въ состояніи оставаться въ сторонѣ отъ движенія и рѣшила выѣхать въ Россію. Ей тяжело было разстаться съ сыномъ, но его физическое состояніе въ связи съ очень дурной наслѣдственностью заставило ее устроить его въ Берлинѣ на попеченіи вѣрной семьи. Съ тѣхъ поръ она время отъ времени наѣзжаетъ заграницу, отдыхая отъ тяжелыхъ условій русской жизни и наслаждаясь свиданіями съ сыномъ. Къ счастію, средства, оставшіяся отъ мужа, позволяютъ дѣлать ей эти скромныя путешествія.

Такова импровизація Жученко, гдѣ ложь переплетается съ правдой и гдѣ въ тоже время нѣтъ ничего невѣроятнаго, что могло бы внушить хотя тѣнь подозрѣнія въ авторѣ. Революціонная среда не обладаетъ достоинствами сыска и не подвергаетъ перекрестнымъ допросамъ и экзаменамъ о личной жизни вновь вступающихъ въ нее членовъ.

Такъ и мы, вполнѣ довольствовались имѣвшимися у Жученко рекомендаціями, и не подозрѣвали, что въ такой мѣрѣ оклеветанный ею ея мужъ благополучно жилъ въ это время въ Сибири, гдѣ исполнялъ обязанности врача.

2. Казбекъ.

Вслѣдъ за первымъ партійнымъ съѣздомь с. р-овъ стали быстро налаживаться мѣстныя и областныя организаціи партіи. Москва и центральная область въ этомъ отношеніи стояли на одномъ изъ первыхъ мѣстъ. Этому способствовало центральное положеніе Москвы, ея многолюдство и значеніе перваго города послѣ Петербурга. Безконечное множество лицъ дефилировало черезъ Москву, пробираясь въ центръ и обратно; всѣ вынуждены были останавливаться здѣсь за справками, явками, паролями и пр. и создавали въ Москвѣ безконечную сутолоку людей, съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Россіи. Необходимо было все это сколько нибудь упорядочить, не говоря уже о нормальной и повседневной работѣ мѣстныхъ и областныхъ организацій. Это понудило партію дать области особо уполномоченнаго центр. комитета, каковымъ первое время былъ Игорь Вареновъ, затѣмъ Степ. Ник. Слетовъ *), пока эта роль не перешла въ руки особой немногочисленной организаціи—центральнаго бюро партіи.

Еще до партійнаго съѣзда обл. моск. комитетъ, какъ организація полномочная, имѣлъ при себѣ боевую дружину, которой завѣдывалъ одинъ изъ членовъ обл. ком-та—А. А. Х. Послѣ декабрьскаго возстанія, послѣ съѣзда, новый обл. к-тъ такъ же былъ озабоченъ созданіемъ боевой дружины, какъ

*) И тотъ и другой, будучи эмигрантами, когда возгорѣлась настоящая война, сложили свои головы въ рядахъ французскихъ войскъ.

необходимаго орудія въ борьбѣ съ шпіонажемъ, а впослѣдствіи и для экспропріацій, когда въ ограниченномъ видѣ таковыя были санкціонированы партіей. Во главѣ этой дружины скоро сталъ одинъ изъ земляковъ Ст. Н. Слетова, недавно бѣжавшій изъ ссылки, и побывавшій заграницей Сладкопѣвцевъ подъ кличкой Казбекъ.

Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка болѣзненнаго, нервнаго, измученнаго и ни за что другое не хотѣлъ браться, кромѣ боевизма. Первоначально онъ былъ посланъ Слетовымъ въ Тамбовъ, гдѣ подготовлялось нападеніе на одного изъ сподвижниковъ Луженовскаго, убитаго Спиридоновой, издѣвавшагося надъ послѣдней, когда она попала въ его руки. Казбекъ вернулся изъ своей экспедиціи по внѣшности очень удовлетвореннымъ, хотя по существу его поѣздка не дала никакого героическаго результата. Не могу узнать точно даты, съ которой Казбекъ сталъ во главѣ московской дружины. Но характерно то, что при всѣхъ денежныхъ затратахъ, при всей испытанной конспираціи Казбека, всѣ его предпріятія неизмѣнно оканчивались неудачно. Онъ постоянно и съ большой энергіей затѣвалъ какое-нибудь предпріятіе, но рѣдко могъ его начать и никогда не могъ его окончить. Эта репутація—затѣвавшаго, но никогда не оканчивавшаго своего предпріятія неудачника—сопутствовала Казбеку за все время его пребыванія въ московской организаціи. Правда, значительная доля его неуспѣховъ должна быть отнесена къ его индивидуальнымъ качествамъ, но были тому, несомнѣнно, и другія, скрытыя причины. Правда, Казбекъ былъ своеобразной фигурой, гдѣ уживались удивительныя противорѣчія. Напр., при несомнѣнной преданности революціонному дѣлу, въ немъ часто проскальзывало кое-что отъ декаданса, и онъ былъ недалекъ отъ того типа людей, которыхъ въ горячихъ свалкахъ революціонной борьбы больше всего привлекали ихъ собственныя переживанія.

Такихъ людей, далекихъ отъ міросозерцанія представителей 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, къ тому времени появилось не мало, и Казбекъ несомнѣнно былъ изъ ихъ числа. Въ этомъ отношеніи онъ, быть можетъ, даже переходилъ извѣстныя границы; по крайней мѣрѣ, въ концѣ его пребыванія въ Москвѣ стало извѣстно, что онъ возомнилъ себя поэтомъ—декадентомъ и имѣетъ уже готовую для изданія книжку стиховъ. Все это, конечно, давало и само по себѣ мало гарантіи за успѣшность его боевыхъ начинаній, но, повторяю, могли быть на то и другія, скрытыя причины.

Не знаю, по преемственности или самостоятельно, но при Казбекѣ въ качествѣ его секретаря все время была Жученко. Какъ секретарю, ей долженъ былъ быть извѣстенъ не только весь составъ боевой дружины, но и во всѣхъ его деталяхъ каждое предпріятіе съ момента его зарожденія въ головѣ Казбека. Могло-ли быть что-либо болѣе выгоднымъ для шпіона и провокатора, чѣмъ то положеніе, какое заняла Жученко около Казбека? Ея, какъ шпіона, прямая выгода за-

ключалась въ томъ, чтобы такое положеніе сохранилось какъ можно дольше. Вотъ почему всѣ составы дружины, набранные Казбекомъ, или ликвидировались охраною, какъ это было нужно для послѣдней, или умирали своей естественной смертью за полной бездѣятельностью и ненадобностью. Безвредность дружины гарантировалось Жученкой для охраны, такъ какъ въ каждую данную минуту любое предпріятіе ея ловко разстраивалось комбинированными усиліями Жученко и ея непосредственнаго и „уважаемаго“ ею начальника фонъ-Коттена.

Такъ и жила дружина по взаимному согласію этихъ двухъ лицъ и безсознательному участію въ немъ самого Казбека. А для Жученки это было чрезвычайно важно: она больше укрѣплялась въ партіи, сильнѣе завоевывала репутацію безукоризненнаго и смѣлаго работника.

Къ концу существованія этого боевого летучаго отряда произошелъ эпизодъ, выгодно оттѣняющій смѣлость и находчивость и Казбека, и Жученко, который они и постарались распространить среди публики. Стало извѣстно, что за отрядомъ началась усиленная слѣжка, кое у кого производились обыски, кое-кто изъ нихъ былъ уже и арестованъ. При такихъ условіяхъ попасть на обыскъ главѣ всего отряда—Казбеку—было болѣе, чѣмъ рискованно. И на такой именно обыскъ попали Казбекъ и Жученко, вмѣстѣ отправившіеся на квартиру, гдѣ собралась вся дружина. Поднимаясь на 4-й этажъ, они услышали шаги наряда полиціи позади себя, остановились на 3-мъ этажѣ у первой попавшейся двери, какъ бы нажимая кнопку звонка. Нарядъ прошелъ мимо, и они спокойно вернулись домой, спасшись такимъ образомъ благодаря своей находчивости и спокойствію.

Вскорѣ дружина была ликвидирована по соглашенію Жученко съ ея начальникомъ. Уцѣлѣли только она сама и Казбекъ. Себя она имѣла полную возможность обставить настолько конспиративно, что, уцѣлѣвъ при общемъ разгромѣ, она только выигрывала въ глазахъ заинтересованныхъ лицъ, а Казбека было невозможно арестовать, такъ какъ его квартиру знала только одна она, и арестъ Казбека могъ бы навести подозрѣніе на нее. Поэтому она просто уговариваетъ его уѣхать лечиться на югъ, избавляя, такимъ образомъ, охранное отдѣленіе отъ излишней заботы о немъ.

Происходило это въ началѣ лѣта 1907 г., и послѣ того Казбекъ уже не принималъ больше никакого участія въ партійной работѣ, вынужденный лечиться болѣе основательно, чѣмъ онъ это дѣлалъ раньше, и въ концѣ концовъ перебрался заграницу.

Можно себѣ представить какой ужасъ произвело на него разоблаченіе Бурцева о Жученко! И въ самомъ дѣлѣ, живя заграницей и освѣдомившись изъ газетъ о несомнѣнномъ уже обнаруженіи Жученки, какъ шпіона-провокатора, онъ въ отчаяніи пишетъ Бурцеву слѣдующее:

„...Я ошеломленъ. Мнѣ не вѣрится. Вѣдь провокація Ж. касается меня больше, чѣмъ кого-либо другого... обо мнѣ

лично она знала все. Во время нашей совмѣстной работы не было ни одного ареста, который можно было бы объяснить провокаціей. Правда, была арестована только что сформированная мною боевая дружина... Въ моментъ ареста этой дружины ею не было совершено ничего, что можно было бы разсматривать какъ политическое преступленіе. Наконецъ,— и это самое важное,—для чего нужно было Жученко спасать меня?... Вѣдь изо всей нашей компаніи человѣкомъ наиболѣе скомпрометированнымъ былъ я... Сомнѣній у меня очень много. Освѣтите мнѣ все это дѣло... Я отдалъ дѣлу революціи больше, вѣроятно, чѣмъ вы думаете. Поэтому я имѣю право настаивать, чтобы у меня не отнимали по крайней мѣрѣ послѣдней вѣры въ людей. Я прошу васъ сообщить мнѣ всѣ, по возможности, данныя о Жученкѣ. Она была для меня не только товарищъ, но и близкій, очень близкій человѣкъ".

И Жученко черезъ Бурцева отвѣчала своему старому товарищу и отвѣчала ядовито:

„Очень рада за васъ, что, наконецъ-то, ваши литературныя упражненія найдутъ сбытъ. Заработаете все-же" (намекъ на поэзію Казбека. А. П.). „Для васъ у меня имѣется историческая справочка. 17 марта 1907 года моимъ начальствомъ и мною было рѣшено, что насъ всѣхъ, т. е. васъ, меня, Х. Ч. и проч. арестуютъ. Меня—даже съ браунингами и патронами. (слѣд., для меня 3 года крѣпости). Днемъ 17-го марта, въ ваше присутствіе у меня, на Кудринской, ко мнѣ приходитъ юноша... И проситъ меня дать ему патроновъ.—Даромъ не даю! Возьмите къ себѣ браунинги и патроны на храненіе",— говорю я. Вы, конечно, поддержали меня, пожуривъ за неосторожность. Юноша уноситъ все это. Просто мнѣ повезло! Такъ какъ вы и N. знали о храненіи мною этихъ вещей, то убрать ихъ передъ арестомъ было бы неосторожно съ моей стороны, и я ихъ оставила у себя. На мое счастье пришелъ этотъ юноша. Дальше. Мы съ вами ѣдемъ на извозчикѣ на квартиру, гдѣ собрались ваши славные дружинники. Когда мы поднимаемся по лѣстницѣ въ 4-й этажъ, намъ вдогонку спѣшитъ нарядъ. Ваша находчивость даетъ вамъ блестящую идею якобы позвонить въ 3-й этажъ. Нарядъ, изъ коего никто не зналъ ни меня, ни васъ,—мимо насъ, въ 4-й этажъ. Мы съ вами идемъ спокойно домой, беремъ извозчика. Нашъ уходъ видѣло одно лицо изъ охраннаго отдѣленія, знавшее меня какъ агента, и недоумѣвало, почему я ухожу съ вами? ...Вы, по свойственному вамъ высокому мнѣнію о себѣ, объяснили это счастливое для васъ и для меня обстоятельство по другому... Ну, и Господь съ вами... Я говорю только правду: не обыскивать меня нельзя было, но разъ браунингъ и патроны у меня найдены не были, можно было оставить меня на свободѣ. А васъ обыскивать нельзя было по нашимъ конспиративнымъ соображеніямъ; вашу квартиру знала я почти одна изъ комитета. Да, кромѣ того, мое начальство и я никогда не смотрѣли на васъ какъ на серьезнаго

революціонера, и я взялась сама спровадить васъ изъ Москвы, что мнѣ, принесши нѣкоторую матеріальную жертву, и удалось. А если бы я не могла устроить вамъ отъѣздъ такимъ образомъ, то мнѣ стоило бы только обратиться къ Х. и спросить его, какъ авторитета и совѣсть партіи, допустима ли ваша работа изъ-за пресловутыхъ „эстетическихъ“ стимуловъ, а не для „блага народа“, и вашу „помощь“ с-ры отклонили бы. Но мнѣ было жаль васъ, какъ больного человѣка, и вы уѣхали на югъ. Это—не „провокація“, ибо было слишкомъ очевидно, что вы, изъ за вашей „шпикоманіи“ и боязни сидѣть, не можете нигдѣ и никогда „создать дѣло“.

Такъ отвѣчала разоблаченная уже Жученко на недоумѣнные вопросы своего „близкаго, очень близкаго человѣка“. Это было жестоко по отношенію къ Казбеку; онъ дѣйствительно утрачивалъ всякую вѣру въ людей и непомѣрно страдалъ, убѣдившись, что вся его дѣятельность прошла подъ знакомъ провокаціи и, въ концѣ-концовъ, самъ онъ остался цѣлымъ и невредимымъ только по милости агента охраннаго отдѣленія.

Дальнѣйшая его судьба не приглядна. Пока онъ еще былъ на ногахъ, онъ влачилъ свое существованіе кое-какъ на югѣ Франціи, перебиваясь случайной работишкой въ различныхъ русскихъ учрежденіяхъ. Но его болѣзнь прогрессировала, и въ 1912 г. я засталъ его въ Ниццѣ уже въ безнадежномъ состояніи общаго паралича. Онъ жилъ тогда частью на грошевыя средства окружающихъ его товарищей, частью на средства благотворительныя. Не имѣя за собой никакого ухода, кромѣ небольшой дѣвочки-итальянки—дочери его хозяина квартиры—онъ еле-еле могъ передвигаться съ постели на стулъ и обратно, пока наконецъ все усиливающійся спинно-мозговой процессъ не оборвалъ нить его существованія. Онъ умеръ въ полномъ сознаніи, отнюдь не утративъ своей умственной силы, на рукахъ русскихъ врачей и одного или двухъ товарищей зимою 1913 года.

Послѣ описанной ликвидаціи послѣдняго состава боевой дружины Казбека, Жученко перешла на работу къ Сер. Никол-чу Т.—новому главѣ уже новой боевой дружины. Если память меня не обманываетъ, къ этому времени дружина была раздѣлена на двѣ половины, имѣвшія работать независимо одна отъ другой; одна въ области чистаго боевизма, другая въ области экспропріацій (дозволенныхъ и санкціонированныхъ партіей). И та, и другая часть дружины существовали не долго и не успѣли совершить чего либо выдающагося. Сер. Никол—чъ скоро былъ арестованъ, вѣроятно, не безъ участія Жученко, и послѣдняя осталась не у дѣлъ, тѣмъ больше, что и дружина была къ этому времени окончательно распущена, такъ какъ центральный комитетъ партіи, вступивъ на путь парламентской работы (выборы въ Госуд. Думу 2-го созыва), временно отказался отъ террора.

Именно къ этому времени относится и мое личное знакомство съ Жученко. Что обо мнѣ и нашей квартирѣ, часто по необходимости являвшейся штабомъ партіи въ Москвѣ,

она была освѣдомлена, не подлежитъ сомнѣнію, и она рѣшила использовать насъ въ интересахъ какъ своего дальнѣйшаго укрѣпленія въ партійной средѣ, такъ и въ интересахъ охраны.

Нѣтъ надобности описывать подробно нашего знакомства. Ему предшествовала уже опредѣленная репутація Жученки, и поводовъ къ сомнѣнію въ ея добросовѣстности никакихъ не могло быть. Для насъ лично было совершенно достаточно тѣхъ благопріятныхъ отзывовъ о ней, какіе были получены нами отъ столь почтенныхъ лицъ, какъ семья Вноровскихъ и отъ ея соратника—Казбека. Къ сожалѣнію, какъ оказалось впослѣдствіи, для первыхъ она была уже нѣсколько подозрительна, но полнѣйшее отсутствіе самомалѣйшихъ фактовъ сдерживало ихъ откровенность, а второй былъ самъ опутанъ съ головы до ногъ товарищескими чарами Жученко, какъ это явствуетъ изъ всего вышесказаннаго.

Какъ бы то ни было, Жученко съ этого времени беретъ на себя всевозможную партійную работу, повидимому поставивъ себѣ опредѣленную цѣль добиться болѣе солиднаго положенія въ организаціи. Благодаря успѣшности ея мелочной работы, благодаря знанію множества лицъ, квартиръ и пр. она скоро завязала связи съ представителями московскаго комитета, затѣмъ областного и даже съ организаціоннымъ бюро, сосредоточивавшимся тогда еще въ Москвѣ.

Такъ постепенно она добралась и до положенія секретаря обл. к-та, о чемъ будетъ сказано въ дальнѣйшемъ.

3. Фрума Фрумкина.

Въ концѣ 1906 г. изъ Сибири пріѣхала Л. Б. Бр., женщина необыкновенно добрая и отзывчивая, близкій другъ всѣхъ ссыльныхъ Забайк. области, въ семьѣ которой всегда можно было встрѣтить не только радушный пріемъ, но и помощь во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Она ѣхала на свиданье со своей дочерью, осужденной по дѣлу Бердягина и др. и пока содержавшейся въ Бутырской тюрьмѣ. Естественно, какъ большая наша пріятельница по Сибири, она ѣхала прямо къ намъ и была встрѣчена нами съ большой радостью. Еще будучи дома, она много разъ встрѣчалась съ Фрумкиной, если не ошибаюсь, жившей тогда уже на поселеніи, которая, видимо произвела на нее очень сильное впечатлѣніе силой своего характера и беззавѣтной преданностью разъ намѣченной цѣли. Фрумкина рѣшила оставить ссылку, бѣжать, и должна скоро появиться въ Москвѣ; но такъ какъ она никогда здѣсь не была раньше и не имѣла никого изъ знакомыхъ, Л. Б. должна была ее встрѣтить на вокзалѣ и черезъ насъ свести съ организаціей.

Въ январѣ 1907 г. Фрумкина была уже у насъ, и такъ какъ оставлять ее въ нашей квартирѣ было и неудобно и неосторожно, то она была помѣщена въ имѣющуюся на такой случай спеціальную квартиру, очень удобную, какъ въ смыслѣ безопасности, такъ и отдохновенія и успокоенія разстроенной

и волнующейся Фрумкиной,—она вѣдь впервые увидѣла себя на свободѣ послѣ долгихъ лѣтъ тюрьмы и ссылки и, конечно, требовала нѣсколько бережнаго къ себѣ отношенія.

Извѣстно, что, арестованная на югѣ пресловутымъ генераломъ Новицкимъ, она была нелѣпо оклеветана послѣднимъ, за что и рѣшила учинить на него покушеніе. Это покушеніе, конечно, было вздорнымъ и совершенно неопаснымъ для Новицкаго, но Фрумкина за него отсиживала очень долго въ тюрьмѣ, судилась и приговорена въ каторжныя работы, отъ чего теперь она уже освободилась. Всѣ эти перипетіи и пережитыя ею моральныя и физическія страданія тяжело отозвались на ея хрупкомъ организмѣ и создали ей такое настроеніе, что она не мирилась ни съ какой другой дѣятельностью, кромѣ террористической.

Первоначальное впечатлѣніе, которое произвела на насъ Фрумкина, было далеко не въ ея пользу: нервная, издерганная организація, явно уже покончившая съ собою въ своихъ помыслахъ, какъ-то мало уже подходила къ типу современнаго революціонера. Самая внѣшность ея не казалась намъ привлекательной: рѣзко выраженный семитическій типъ, острый выдающійся носъ, горящіе глаза, маленькое лихорадочно возбужденное лицо и особенно рѣзкій, крикливый голосъ, съ которымъ сама она не могла, видимо, справиться,—съ перваго раза какъ будто отталкиваетъ отъ нея; но при послѣдующемъ, болѣе близкомъ знакомствѣ нельзя было не замѣтить въ ней выдающихся чертъ необыкновенной, до самозабвенія доходящей доброты и фанатической преданности той идеѣ, служить которой она считала себя призванной. Эти выдающіяся черты и были блистательно подтверждены всей ея послѣдующей судьбой. Далѣе она производила впечатлѣніе недюжинного ума и необычайной настойчивости, но ея умъ, мало культивированный и при томъ скованный страстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, ради котораго она пріѣхала, не бросался въ глаза при первомъ знакомствѣ; нужно было хорошо знать ее, чтобы оцѣнить вполнѣ правильно, а это можно было сдѣлать, и было сдѣлано, только въ концѣ ея жизненной карьеры.

Освободительный подъемъ Россіи въ пятомъ году быть можетъ нигдѣ не былъ встрѣченъ съ такой радостью и съ такими надеждами, какъ среди узниковъ стараго режима, въ свое время положившихъ всѣ свои силы для его торжества. Тѣмъ ужаснѣе и безнадежнѣе было то разочарованіе у нихъ, какое должны были произвести событія, явившіяся непосредственнымъ слѣдствіемъ обманныхъ, провокаціонныхъ обѣщаній царскаго правительства, вновь почувствовавшаго себя окрѣпшимъ при поддержкѣ черной сотни, какъ только успокоилась наша благодушная первая революція.

На Фрумкину больше всего произвела впечатлѣніе трагедія, пережитая Томскомъ, гдѣ не только при попустительствѣ, но и при явномъ содѣйствіи вновь поднявшей голову власти, были живьемъ сожжены сотни неповинныхъ

людей. Вину этого ауто-да-фе она приписывала томскому губернатору того времени Азанчевскому и, по ея мнѣнію, этотъ варваръ не могъ остаться не отомщеннымъ. Осуществить этотъ актъ наказанія и мести со всѣмъ пыломъ ея неудержной натуры и рѣшила во что бы то ни стало Фрумкина.

Я былъ совершенно далекъ отъ предпріятія этого рода, ибо это былъ періодъ подготовительной работы къ выборамъ во 2-ю Госуд. Думу, на что я и посвящалъ все свое свободное время. Поэтому, немедленно по пріѣздѣ Фрумкиной, я передалъ ее уполномоченному ц. к. (С. Н. Сл.), а этотъ послѣдній свелъ ее съ Серг. Ник., завѣдывавшимъ тогда боевымъ дѣломъ отъ области. Уже это обстоятельство замѣтно успокоило Фрумкину: она получила желаемыя связи и считала свое дѣло налаженнымъ.

Но до полнаго успокоенія было для этого нервнаго человѣка еще далеко. Ея возбужденіе доводило ее, этого несомнѣнно умнаго человѣка, иногда до крайнихъ абсурдовъ. Малѣйшая неточность, ничтожное уклоненіе отъ намѣченнаго пути приводило ее въ ужасное состояніе, и она переставала соображать дѣйствительность. Припоминаю, что однажды С. Н-чъ не явился къ ней въ назначенный часъ на свиданье, и это привело ее въ сильное возбужденіе, что она забыла всѣ сдѣланныя ей указанія въ смыслѣ осторожности и въ отчаяніи пришла вновь ко мнѣ. Изъ конспиративныхъ цѣлей дѣлать этого никоимъ образомъ было нельзя, да и было безцѣльно, такъ какъ полезнымъ въ этомъ отношеніи я ей быть не могъ. Сама строго пунктуальная, она не могла понять, чтобы какія-нибудь причины могли удержать С. Н-ча отъ явки на серьезное свиданіе въ назначенный часъ,—очевидно, онъ арестованъ, и все налаженное дѣло надо начинать снова.

Это приводило ее въ такое состояніе, что всѣ успокоительныя слова отскакивали отъ нея, не производя впечатлѣнія, а невольное повышеніе голоса окончательно выводило ее изъ себя. Только сообщеніе о томъ, что не арестъ, а другое какое-то неотложное дѣло помѣшало придти во время на свиданіе С. Н-чу и что, такимъ образомъ, ея личное дѣло не будетъ задержано и безъ проволочекъ пойдетъ къ своему концу, вновь успокоило Фрумкину и привело ее въ нормальное состояніе.

Человѣкъ въ ея положеніи, какъ бы вѣчно стоящій на лезвіи ножа, каждую минуту ожидающій препятствій для осуществленія предпріятія, ставшаго его idée fixe, уже не усматривающій въ жизни ничего, кромѣ намѣченнаго плана, цѣликомъ предавшійся ему и отрѣшившійся отъ всего, что не связано съ нимъ непосредственно, такой человѣкъ и не можетъ быть спокойнымъ вполнѣ, если онъ обладаетъ живыми, еще не замершими нервами. Что же могла чувствовать Фрумкина, этотъ сплошной пучекъ живыхъ нервовъ!

Сер. Н-чу и другимъ причастнымъ къ дѣлу лицамъ удалось отговорить Фрумкину отъ ея первоначальнаго плана покушенія на бывшаго томскаго губернатора.

Покушеніе на него казалось потерявшимъ значеніе, въ виду уже значительной отдаленности совершеннаго имъ преступленія отъ переживаемаго момента. Съ другой стороны, ц. к. партіи уже готовился издать постановленіе о прекращеніи террора, въ виду предполагаемаго участія партіи въ парламентской жизни страны. Все это страшно взволновало Фрумкину, убѣжденную террористку, не соглашавшуюся ни съ однимъ изъ этихъ доводовъ. Въ концѣ концовъ она все-же уступила требованію С. Н-ча оставить въ покоѣ Азанчевскаго, когда ей предложили взять на себя давно уже намѣченное и только случайно пока не выполненное покушеніе на слишкомъ зарвавшагося московскаго градоначальника Рейнбота; съ этимъ дѣломъ при томъ же надо было торопиться въ виду предстоящаго запрещенія партіей всѣхъ террористическихъ актовъ. Все это совпадало съ планами и настроеніемъ Фрумкиной, и она охотно согласилась на сдѣланное ей предложеніе.

Покушеніе, какъ извѣстно, было неудачно. Оно было предотвращено вмѣшательствомъ шпіона, повидимому, вполнѣ освѣдомленнаго и ловкаго.

Фрумкина была арестована въ фойе театра съ браунингомъ въ карманѣ и при арестѣ заявила, что имѣла въ виду убить Рейнбота. Охрана старалась распространить слухъ, что сама Фрумкина держалась очень вызывающе, своимъ видомъ обращала на себя вниманіе полиціи и была арестована только по подозрѣнію.

И въ общественныхъ, и революціонныхъ кругахъ также неудачу приписывали какой-нибудь простой случайности, какой-нибудь непредусмотрительности организаторовъ покушенія, и т. д., и никому не приходила въ голову мысль о злостной провокаціи. Сама Фрумкина также не подозрѣвала истинной причины своей неудачи и, повидимому, такъ же сваливала ее на простую случайность.

Она была заключена въ Бутырскую тюрьму и, какъ ни строго ее содержали, съ воли были найдены пути для очень обстоятельной переписки съ нею.

Немедленно послѣ ареста она совершенно преобразилась: взволнованное, нервное состояніе ея сразу успокоилось, какъ только она пришла къ заключенію что ея роль активной террористки закончилась. Всѣ свои помыслы теперь она обратила на то, чтобы довести дѣло до суда, при посредствѣ котораго она можетъ освѣдомить широкое общественное мнѣніе всей страны о мотивахъ своихъ поступковъ, выявить передъ нимъ физіономію революціонера, всей совокупностью русской жизни вынужденнаго стать на путь террора. И надо сказать, что въ этотъ краткій періодъ своей жизни Фрумкина выявила, какъ въ сношеніяхъ съ волей, такъ и на своемъ процессѣ, все богатство своей натуры, всю чистоту своихъ помысловъ, беззавѣтную преданность дѣлу освобожденія родной страны отъ тяготѣющаго надъ ней гнета и свою готовность отдать жизнь за торжество своего идеала.

Смѣлость ея мысли, полнѣйшее отсутствіе страха передъ угрожающей ей участью и рѣдкое умѣнье съ силой и убѣжденностью обрисовать свое внутреннее я оставляли глубокій слѣдъ и поражали всѣхъ присутствующихъ на судѣ, не исключая и ея судей.

Не даромъ на процессѣ возникла мысль среди самого судилища о возможности облегченія ея участи, противъ чего она такъ сильно протестовала и чему противопоставила твердое желаніе во что бы то ни стало быть приговоренной къ смерти, видя въ томъ послѣдній и наиболѣе сильный путь воздѣйствія на общественное мнѣніе.

Богатыя содержаніемъ, пространныя и прямо талантливыя письма Фрумкиной изъ тюрьмы приводили въ восторгъ тѣхъ, кому удавалось знакомиться съ ними и заставляли удивляться моральной и органической силѣ этого хрупкаго существа и этой нѣжной организаціи.

Интересно отмѣтить другую, противоположную, и не менѣе сильную психологію лица, находящагося въ аналогичномъ положеніи. Одновременно съ Фрумкиной содержался въ тюрьмѣ и ожидалъ вторичнаго суда Бердягинъ [1]). По первому процессу съ Кларой Шмидтъ (Зинаида Бронштейнъ) и др. онъ былъ уже осужденъ на каторгу, но отъ новаго процесса ожидалъ смертной казни. Онъ вступилъ въ оживленную дружескую переписку съ Фрумкиной. поскольку позволяли это условія тюрьмы, и они дебатировали вопросъ о преимуществахъ выявленія передъ судомъ мотивовъ своей дѣятельности и своего міропониманія, сравнительно съ отказомъ отъ всякаго участія на процессѣ, и, особенно, о преимуществахъ смерти отъ руки палача, или самоубійства передъ неизбѣжной казнью. Фрумкина придерживалась первой позиціи и горячо отстаивала свое право предстать передъ судомъ, хотя бы съ минимальной степенью гласности, дабы тѣмъ или инымъ путемъ довести до сознанія общества правоту и искренность побужденій въ своихъ дѣйствіяхъ. И будучи вполнѣ послѣдовательной, она не находила возможности уклониться отъ смерти на эшафотѣ, усматривая въ этомъ послѣдній актъ демонстративнаго доказательства ея преданности дѣлу, всегда освѣщавшей ея жизненный путь.

Точка зрѣнія Бердягина была противоположна и такъ же, какъ Фрумкина, онъ въ высокой степени послѣдовательно довелъ ее до конца. Не желая принимать участія на судѣ, онъ взялъ такую линію поведенія, такъ рѣзко, на первыхъ же

---

[1]) Щадя спокойствіе своей матери, Бердягинъ съ этой вымышленной фамиліей и сошелъ въ могилу, строго завѣщавъ своимъ товарищамъ не открывать его подлиннаго имени въ теченіе, по крайней мѣрѣ, пяти лѣтъ—срокъ, который, по его мнѣнію, еще могла прожить старушка. На это время онъ и заготовилъ рядъ писемъ на ея имя изъ разныхъ мѣстъ Россіи и заграницы, чтобы тѣмъ самымъ окончательно отклонить отъ нея всякія сомнѣнія о его благополучіи. Теперь, когда прошло уже десять лѣтъ со времени смерти Бердягина, нѣтъ болѣе надобности скрывать его подлинное имя: фамилія этой сильной и колоритной личности была Бибиковъ.

порахъ, отозвался о непризнаваемомъ имъ составѣ царскаго подкупленнаго суда, что былъ изъятъ изъ его засѣданій и приговоренъ къ смерти заочно. Далѣе, онъ рѣшилъ кончить самоубійствомъ у себя въ камерѣ, чтобы не дать прикоснуться къ себѣ подлой рукѣ палача. Сдѣлать же это при той охранѣ, какая была приставлена къ нему въ камерѣ передъ казнью, было выше человѣческихъ силъ. Но Бердягина это не остановило. Его убѣжденность и его рѣшимость были такъ велики, что препятствій для него не существовало. Нелегально добытымъ орудіемъ, въ видѣ плохо отточенной ручки чайной ложки, онъ рѣшилъ просвѣрлить себѣ на груди рану, добраться до сердца и разрушить его, предполагая, что на этомъ закончится его существованіе. Пріемъ оказался неудовлетворительнымъ, хотя съ величайшимъ трудомъ была сдѣлана уже очень глубокая рана, чему не помѣшало и постоянное присутствіе въ камерѣ часового: орудіе оказалось недостаточно прочнымъ, пришлось изобрѣтать другой способъ. Съ той же рѣшимостью и съ тѣмъ же хладнокровіемъ Бердягинъ вскрылъ себѣ вены первымъ попавшимся осколкомъ стекла и уже предсмертнымъ голосомъ увѣдомилъ объ успѣхѣ предпріятія своего ближайшаго сосѣда по камерѣ...

И Фрума Фрумкина ни на іоту не измѣнила ни своихъ взглядовъ, ни своего рѣшенія и такъ-же рѣшительно, какъ кончилъ съ собой Бердягинъ, безтрепетно съ улыбкою взошла на эшафотъ.

Такъ и кончили свои существованія эти два безспорно выдающихся человѣка, въ другое время и при другой обстановкѣ, быть можетъ, совершенно незамѣнимые дѣятели. Исторія нашего освободительнаго движенія не должна забыть эти имена, и они сохранятся въ памяти поколѣній, какъ яркіе примѣры безкорыстной и святой жертвы, отданной на алтарь народной свободы.

Черезъ какихъ-нибудь полтора—два года послѣ смерти Фрумкиной и Бердягина Жученко была, наконецъ, разоблачена Бурцевымъ. И только тогда, изъ наглыхъ въ высокой степени показаній самой Жученко, стало извѣстно, гдѣ-же была причина неудачнаго покушенія на Рейнбота. Оно было организованно Серг. Никол—чемъ при непосредственной помощи его секретаря Жученко, которая, какъ она говоритъ, сама пришивала къ платью Фрумкиной карманъ для браунинга, сама отвела ее въ театръ, тамъ указала мѣсто, которое долженъ былъ занять Рейнботъ и тамъ же указала ее агентамъ охраны... Послѣ этого она совершенно спокойно созерцала всѣ перипетіи короткаго остатка жизни своей жертвы, спокойно говорила о ней съ ея друзьями и товарищами и вмѣстѣ съ ними участвовала въ оцѣнкѣ этой нервной и высокоодаренной, идейной личности.

Что же касается Бердягина, то у меня нѣтъ точныхъ данныхъ, могущихъ освѣтить условія его ареста. Извѣстно мнѣ,

что небольшой кружекъ Бердягина, Бронштейнъ и др., работавшій въ періодъ массоваго декабрьскаго возстанія, оказалъ при арестѣ вооруженное сопротивленіе. И потому, что въ этотъ періодъ времени Жученко, явившаяся въ Москву изъ-за границы, имѣла связи съ партіей и, по собственнымъ ея словамъ, очень продуктивно работала на пользу сыска и провокаціи, можно преполагать, что и ихъ арестъ не обошелся безъ ея участія.

4. Зарайская. (Аушка).

Съ 1906 года, и особенно послѣ перваго партійнаго съѣзда, въ Москвѣ организовался особый кружокъ лицъ, имѣвшій цѣлью обслуживать нужды только одного московскаго уѣзда. Это былъ такъ называемый окружной московскій комитетъ, въ сферѣ своей дѣятельности подчиненный, какъ высшей организаціи,—областному комитету. Работа этого комитета была исключительно пропагандистско-литературная, никогда не выступавшая за предѣлы образованія крестьянскихъ кружковъ, братствъ и союзовъ, и ограничивалась дѣятельностью среди крестьянъ московской губерніи. Составъ этого комитета почему то вербовался, главнымъ образомъ, изъ студентовъ Петровско-разумовскаго сельско-хозяйственнаго института, быть можетъ, потому, что ихъ наука и будущая профессія больше всего сближала ихъ съ землею и крестьянствомъ. Студенты петровцы пополняли свою организацію иногда и посторонними студенчеству элементами, но всегда такъ или иначе связанными съ ихъ средою.

Здѣсь я имѣю въ виду разсказать объ эпилогѣ изъ жизни этой окружной организаціи, связанномъ съ дѣятельностью Жученко въ тотъ періодъ, когда она занимала постъ секретаря областного комитета.

Въ виду частой смѣны членовъ окружного комитета и значительно къ этому времени развитой провокаціи, обл. к-тъ избѣгалъ непосредственныхъ сношеній съ нимъ и предпочиталъ въ необходимыхъ случаяхъ сноситься черезъ секретаря. Такимъ образомъ, вопросы, возбуждавшіеся въ окр. к-тѣ и требовавшіе высшей санкціи, докладывались о. к-ту его секретаремъ и черезъ него же передавалось рѣшеніе. Въ рѣдкихъ случаяхъ признавалось необходимымъ личное сношеніе обѣихъ организацій, и почти никогда не было надобности въ пленарныхъ засѣданіяхъ ихъ обѣихъ.

Окружной к-тъ успѣлъ завоевать такую самостоятельность, что послѣднее время отъ него не было никакихъ запросовъ ни въ обл. к-тъ, ни въ организ. бюро, тогда еще находившееся въ Москвѣ, а въ крестьянской работѣ по губерніи онъ былъ всецѣло предоставленъ собственнымъ силамъ, равно какъ и въ дѣлѣ пополненія своихъ членовъ и своихъ работниковъ.

Однако же случилось обстоятельство, побудившее к-тъ обратиться къ о. ком. Частые, необъяснимые провалы чле-

новъ этой организаціи побудили ее предпринять разслѣдованіе о всѣхъ лицахъ, такъ или иначе связанныхъ съ нею. При этомъ натолкнулись на явные признаки недостовѣрности одной особы, старой слушательницы сельско-хозяйственныхъ курсовъ съ двойной фамиліей, изъ которой одна была—Зарайская. Она жила со своей дочкой и была въ постоянныхъ сношеніяхъ со студентами института—членами окружного ком-та. Подозрѣніе на нее возникло потому, что всякій разъ, какъ кто-либо входилъ съ нею въ дѣловыя сношенія, неизбѣжно рано или поздно проваливался, при чемъ сама она оставалась невредимой. Въ концѣ-концовъ эти факты обратили на себя вниманіе, и при болѣе тщательномъ изслѣдованіи оказалось, что и во многихъ другихъ случаяхъ арестовъ членовъ организаціи можно было установить связь съ Зарайской и ея болѣе чѣмъ возможное участіе въ этихъ провалахъ. Подозрѣніе въ предательствѣ Зарайской съ каждымъ днемъ больше и больше подтверждалось и, наконецъ, создалась полная увѣренность въ ея связяхъ съ охранкой, послѣ того какъ она неосторожно, хотя и глухо, подтвердила это письмомъ къ одному изъ близкихъ къ ней людей.

Когда у комитета окрѣпло окончательно убѣжденіе въ преступности поведенія Зарайской, к-тъ вынесъ постановленіе объ окончательномъ устраненіи ея, какъ личности въ высшей степени вредной для партіи и могущей въ дальнѣйшемъ принести неисчислимыя бѣды. Но комитетъ останавливало то обстоятельство, что Зарайская жила съ ребенкомъ, что и являлось солиднымъ препятствіемъ для приведенія приговора въ исполненіе. Кромѣ того требовалась по уставу партіи и санкція высшей инстанціи, т. е. обл. к-та.

Черезъ Жученко, какъ секретаря, предположенія ком-та были доведены до свѣдѣнія области, которая и высказалась въ томъ смыслѣ, что доводы, приводимые заинтересованной стороной, недостаточны для полнаго убѣжденія въ провокаціонной дѣятельности Зар—ой, и потому предположенная комитетомъ суровая мѣра къ ней не можетъ быть примѣнена.

И интересно, что въ этотъ моментъ со времени перваго освѣдомленія съ дѣломъ секретаря—Жученко, вплоть до окончательнаго рѣшенія области, въ общемъ недѣли 2—3, Зарайская исчезла изъ поля наблюденія всѣхъ знающихъ ея лицъ, скрываясь невѣдомо гдѣ. Послѣ же отказа обл. к-та утвердить постановленіе окр. организаціи она появилась снова и вновь вернулась къ своему дѣлу.

Вскорѣ появились въ рукахъ окр. к-та новыя данныя, уличающія Зарайскую, и онъ снова потребовалъ санкціи обл. к-та для приведенія своего приговора въ исполненіе. Обл. к-тъ, какъ и въ первый разъ, не могъ санкціонировать этого постановленія, не находя для этого достаточныхъ поводовъ въ предъявленныхъ комитетомъ черезъ того же секретаря Жученко—данныхъ.

И въ этотъ разъ Зарайская временно исчезаетъ куда-то, какъ только ея дѣло возбуждается передъ обл. к-томъ и какъ

ни въ чемъ ни бывало появляется вновь, какъ только обл. к-тъ отказалъ въ своей санкціи.

Проходитъ еще нѣкоторое время; заинтересованныя лица ищутъ новыхъ доказательствъ виновности Зарайской и, убѣжденныя въ своей правотѣ, требуютъ совмѣстнаго засѣданія своей организаціи съ обл. комитетомъ, обѣщая представить неопровержимыя доказательства, послѣ чего уже не можетъ быть отказано въ санкціи постановленія окр. к-та. Зарайская вновь скрывается съ горизонта, и никакія мѣры комитета открыть ее не могутъ.

Однако же пленарное засѣданіе состояться не могло; на лицо со стороны обл. к-та было лишь два члена съ секретаремъ и уполномоченный центр. к-та, а со стороны окруж. к-та могло явиться лишь два члена, правда наиболѣе освѣдомленныхъ. Изъ объясненій послѣднихъ явствовало, что Зарайская возбуждаетъ очень серьезныя сомнѣнія въ своей добросовѣстности, но въ тоже время ни одинъ изъ приводимыхъ фактовъ не можетъ имѣть рѣшающаго характера. Представители к-та, соглашаясь съ этимъ, заявили все-таки, что они имѣютъ и такой неопровержимый фактъ, но не имѣютъ нравственнаго права предавать его гласности, почему и будутъ согласны подчиниться рѣшенію обл. к-та.

По предложенію уполномоченнаго ц. к. было постановлено, что Зарайская, въ виду многихъ фактовъ, бросающихъ тѣнь на ея добросовѣстность и оставляющихъ ее въ явномъ сомнѣніи, признается опасной для партіи, исключается изъ ея членовъ, съ нею запрещается вступать въ какія-либо дѣловыя сношенія, и обо всемъ этомъ дѣлается публикація съ указаніемъ примѣтъ Зарайской и съ помѣщеніемъ по возможности ея карточки.

Вырвать это постановленіе отъ окр. организаціи было не легко, въ виду убѣжденія ея въ своей правотѣ, и положеніе Зарайской, въ сущности, оставалось опаснымъ, а ея дальнѣйшее пребываніе вблизи организаціи—безцѣльно. Она и скрылась съ горизонта уже окончательно.

Какую роль играла при этомъ Жученко—ясно безъ поясненій. При малѣйшей опасности, угрожавшей Зарайской, о чемъ сама она, разумѣется, не могла бы и предполагать, она предупреждалась и принимала соотвѣтственныя мѣры; когда же опасность миновала, т. е. когда можно было быть увѣреннымъ, что окр. к-тъ будетъ послушенъ областному, отказавшему утвердить постановленіе перваго, Зарайская возвращалась къ своей дѣятельности и работала на пользу охр. отд., пока черезъ Жученко она не предупреждалась о новой опасности. Окончательное же постановленіе объ ея опубликованіи, какъ опаснаго для партіи человѣка, лишало ее всякой возможности быть полезной для тайной полиціи, и ей не зачѣмъ было возвращаться къ старымъ условіямъ жизни, которыя были ею использованы цѣликомъ.

Такъ старшій шпіонъ старой царской тайной полиціи оберегалъ интересы и жизнь своихъ младшихъ собратій!..

5. Два областныхъ съѣзда партіи.

Приблизительно къ веснѣ 1907 г. технич. группу обл. к-та составляли Бѣльскій, Вас. Меркуловъ и секретарь ея—Ирина [1]). Жученко, старавшаяся передъ тѣмъ зарекомендовать себя съ наилучшей стороны, работала очень успѣшно, не отказываясь ни отъ какого дѣла, отчетливо исполняя каждое, кѣмъ бы оно ни было ей поручено. Ея задача была проникнуть въ обл. к-тъ въ качествѣ секретаря, что открыло бы ей доступъ ко всѣмъ предпріятіямъ партіи, ко всѣмъ связямъ московскихъ организацій. Сдѣлать ей это было нетрудно. Она знала, что другого кандидата на этотъ постъ, кромѣ нея, не было, и надо было только спѣшить очистить себѣ путь для этого, пока занятый Меркуловымъ и Ириной. Надо было ихъ убрать обоихъ, и это было сдѣлано безъ особаго шума и не возбуждая никакихъ подозрѣній: подложный паспортъ Меркулова и его мало конспиративное поведеніе были причиной ареста обоихъ, при чемъ была прихвачена и подруга Ирины—Стефанія, при случаѣ также могущая быть конкуренткой на постъ секретаря к-та.

Разрушенная технич. группа комитета была пополнена Валеріемъ (М. Ст. Биценко). Но за отсутствіемъ Бѣльскаго, выѣхавшаго изъ Москвы въ виду усиленной за нимъ погони черной сотни, Валерію единолично пришлось разомъ организовать не одно предпріятіе, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, два были неотложны: постановка пропаганды и агитаціи на учительскомъ съѣздѣ, созванномъ „Лигой образованія“, и организація областного съѣзда, гдѣ между прочимъ должны были произойти выборы новаго обл. к-та. Первая задача Валеріемъ, при помощи члена орг. бюро Андрея Ивановича (Ульяновъ Н.) и прекрасныхъ лекторовъ Лид. Мар. Арманъ и Антона Шимановскаго (впослѣдствіи Савинъ), была выполнена блистательно; вторая задача—организація съѣзда—была возложена почти исключительно на Валерія, который къ назначенному времени и устроилъ все, чтобы съѣздъ прошелъ возможно глаже. Нѣкоторую помощь оказывалъ ему вновь привлеченный къ работѣ въ качествѣ помощника Валерія Алек. Пав. Кр..., къ сожалѣнію очень занятый своими служебными дѣлами и пока еще трудно приспособлявшійся къ мелкой повседневной работѣ технической службы. Принимала нѣкоторое участіе въ устройствѣ съѣзда и предполагаемый новый членъ обл. к-та- Татьяна Сам. Потапова и уже намѣченный секретарь к-та—Жученко.

Какъ бы то ни было, для съѣзда былъ опредѣленъ уже и день и указано мѣсто—г. Тверь. Съѣздъ долженъ былъ собраться въ концѣ лѣта 1907 г. Незадолго до этого времени Валерій былъ арестованъ на улицѣ Москвы и присутствовать на съѣздѣ поэтому не могъ. За то въ немъ должны были

---

[1]) Валентина Осиповна Стрижкова.

принять участіе, какъ офиціальные представители, два члена центральн. организаціон. бюро—Ульяновъ и Коварскій.

Представители всѣхъ губерній, входящихъ въ составъ центральной области, съѣхались почти одновременно и открыли свои засѣданія въ любезно предоставленныхъ для этого помѣщеніяхъ Бурашевской больницы, расположеной за городомъ Тверью. Но съѣзду не повезло. Едва онъ приступилъ къ работамъ, какъ получилось увѣдомленіе по телефону изъ Твери, что онъ открытъ полиціей и что ему необходимо тотчасъ же разойтись. Съѣздъ кое-какъ успѣлъ произвести выборы новыхъ членовъ обл. к-та, что было важнѣе всего для дальнѣйшей работы, и всѣ его участники немедленно разъѣхались въ разныя стороны. Скоро нагрянувшая полиція и жандармы поняли, что они опоздали, и, не поживившись никакими бумагами съѣзда, арестовали хозяина—управляющаго больницей и погнались по пятамъ за разъѣхавшимися участниками съѣзда.

Отъ этой погони удалось благополучно спастись членамъ организ. бюро и двумъ вновь избраннымъ областникамъ; остальные, какъ члены избраннаго к-та, такъ и всѣ делегаты Владимира, Тулы, Рязани и пр., были перехвачены на пути или на желѣзнодорожныхъ станціяхъ [1]).

---

[1]) Черезъ $2^1/_2$ года послѣ этого, путешествуя по этапамъ изъ Красноярска въ Минусинскъ, я столкнулся съ однимъ человѣкомъ, пересылаемымъ также въ Минусинскъ для суда за бродяжничество. По виду этотъ человѣкъ былъ дѣйствительный бродяга, но увидя во мнѣ политич. ссыльнаго, разсказалъ про тѣ ужасы, какіе пришлось ему пережить за минувшіе два года. Оказалось по даннымъ, строго мною провѣреннымъ, что онъ былъ именно представителемъ на этомъ съѣздѣ не то отъ Тулы, не то отъ Орла. Арестованный вмѣстѣ съ другими участниками съѣзда на одной изъ станцій жел. дороги недалеко отъ Твери, онъ довольно долго содержался въ тюрьмѣ, не могъ открыть своего имени по какимъ то причинамъ и былъ отправленъ „на уличку" въ Минусинскій уѣздъ, такъ какъ при немъ былъ паспортъ крестьянина этого уѣзда. Признать его тамъ, конечно, не могли, и онъ былъ вновь отправленъ въ Красноярскъ. Теперь, наконецъ, онъ ѣдетъ для суда, который окончательно долженъ съ нимъ покончить, приговоривъ его по закону къ 4-мъ годамъ арестантскихъ ротъ и къ поселенію затѣмъ гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ мѣстахъ. Этотъ несчастный человѣкъ, назвавшійся Волковымъ, ждалъ этого конца съ такой неприглядной перспективой, какъ манны небесной, такъ онъ былъ измученъ общимъ положеніемъ уголовнаго бродяги въ теченіе больше чѣмъ 2 лѣтъ! Переводимый съ мѣста на мѣсто, изъ тюрьмы въ тюрьму, онъ совершенно потерялъ связь со своими родственниками и никогда ни отъ кого не получалъ не только никакой помощи, но даже и никакого извѣстія. Онъ совершенно обносился, весь изъѣденъ насѣкомыми и при всемъ томъ постоянно преслѣдуемый уголовной аристократіей, такъ какъ все таки сохранилъ нѣкоторую интеллигентность. Мы шли съ нимъ по этапамъ въ небольшой кучкѣ мелкихъ мошенниковъ и конокрадовъ 23 дня, и за это время онъ все таки немного отдохнулъ. Спустя пять лѣтъ, когда я послѣ эмиграціи вновь вернулся въ ссылку и наводилъ справки о Волковѣ, я узналъ что по окончаніи арестантскихъ ротъ онъ былъ поселенъ на Ангарѣ, гдѣ и прожилъ непродолжительное время въ тяжелыхъ, неприглядныхъ условіяхъ и скоро умеръ, приблизительно за годъ до моего прибытія изъ заграницы. Такъ были подорваны силы этого несчастнаго долголѣтнимъ шатаніемъ по тюрьмамъ!

Причины провала остались невыясненными; ссылки на плохую явку, на недостовѣрность одного изъ участниковъ съѣзда Николая Николаевича и пр. не объясняли факта. Что же касается Жученко, то хотя ея въ этотъ моментъ и не было въ Москвѣ (лѣтомъ она уѣзжала заграницу), она легко могла быть освѣдомлена приблизительно о времени предполагавшагося съѣзда и точно—о его мѣстѣ. Передъ своимъ отъѣздомъ она была уже во многихъ случаяхъ въ курсѣ дѣла области, такъ какъ предполагавшейся, а потомъ и избранной членомъ обл. к-та,—Т. С. Потаповой она уже была приглашена на мѣсто секретаря.

Съ возвращеніемъ Потаповой и Жученко, обл. к-тъ сконструировался. Его техническая группа состояла изъ избранныхъ на съѣздѣ Т. С., Ал. Пав. Кр.—и ихъ секретаря. Послѣдній, т. е. Жученко, на первыхъ же порахъ проявила необыкновенную дѣятельность; новыя лица, квартиры, связи, адреса посыпались, какъ изъ рога изобилія; письма, посылки, запросы, безконечныя свѣдѣнія появлялись съ пунктуальной точностью и такъ же тщательно выполнялись отвѣты, распоряженія, разсылка литературы. Работая совмѣстно всегда рука объ руку съ главой технической группы—Т. С. Потаповой, новый секретарь, казалось, превосходилъ самое себя и тѣмъ больше укрѣплялъ ее въ необходимости сотрудничества съ нимъ. Скоро всѣ данныя, касающіяся области были одинаково извѣстны, какъ члену о. к., такъ и его секретарю. Всегда совмѣстно присутствуя на явкахъ, совмѣстно принимая пріѣзжихъ членовъ организаціи и рѣшая возникающіе вопросы, Жученко скоро стала въ курсъ теченія областныхъ дѣлъ и была наиболѣе освѣдомленнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ, имѣвшихъ отношеніе къ о. к. Наконецъ, она принимала многихъ провинціальныхъ работниковъ прямо у себя на квартирѣ, подробно узнавала отъ нихъ о ходѣ дѣлъ на мѣстахъ, о наиболѣе дѣятельныхъ и вліятельныхъ лицахъ въ провинціи, а иногда заводила новыя связи для общей пользы партіи или для своей личной выгоды. Въ ея рукахъ сосредоточивались всѣ сношенія центр. московск. организ-іи со всѣми провинціальными и съ высшими организаціями -организ. бюро и черезъ него съ ц. к.

Такъ дѣло обстояло до весны 1908 г., причемъ составъ членовъ о. к-та иногда измѣнялся, техническая же группа все еще оставалась неизмѣнной.

Въ это время новый составъ о. к. вновь рѣшилъ сдѣлать попытку созыва съѣзда, что должно было состояться въ концѣ іюня или началѣ іюля. Организація его была возложена на А. П. Кузнецова, пользовавшагося опытомъ и освѣдомленностью секретаря. Такимъ образомъ, хотя Жученко ко времени съѣзда была уже заграницей, она все же могла быть приблизительно освѣдомлена о мѣстѣ и времени предполагаемаго совѣщанія, чего было достаточно для изощрившагося сыска.

Наступила глухая лѣтняя пора, когда значительная часть дѣловой публики разъѣзжается, и работы пріостанавливаются.

Уѣхали на отдыхъ и Т. С. Потапова и Жученко; областники были такъ же въ разъѣздахъ по подготовкѣ съѣзда, и въ Москвѣ остались только Бѣльскій и Л. П. Гомель, поселившіеся на дачѣ.

На нихъ, при посредствѣ нѣкоторыхъ сочувствующихъ партіи лицъ, была возложена обязанность связи и руководства, какъ по поводу съѣзда, такъ и при случайныхъ надобностяхъ. Къ началу іюля отъ организ. бюро въ Москву былъ командированъ Михаилъ Петровичъ съ спеціальной цѣлью обслуживать техническую сторону предстоящаго съѣзда. На время заѣзжалъ и А. П. Кузнецовъ, который однако же замѣтилъ за собою усиленную слѣжку и долженъ былъ немедленно выѣхать снова въ область, чтобы избавиться отъ филеровъ. Вскорѣ пріѣхалъ изъ Тулы, гдѣ онъ работалъ уже нѣкоторое время, членъ о. к-та Чеславъ Петрашкевичъ, сравнительно недавно еще благополучно бѣжавшій изъ самарской тюрьмы.

Собравъ всѣ данныя отъ областниковъ, мы совмѣстно рѣшили созвать съѣздъ на 7 іюля въ г. Рязани. Однимъ изъ заданій съѣзда было избрать делегатовъ на предстоящую общепартійную конференцію въ Лондонъ. Обмѣнявшись явками и паролями, условившись, какъ и гдѣ встрѣтиться съ будущими делегатами на конференцію, чтобъ снабдить и ихъ необходимыми средствами и указаніями, рѣшили, что по возможности на съѣздѣ должны быть всѣ, кромѣ Мих. Петровича, который долженъ подготовить встрѣчу будущимъ делегатамъ. Кузнецовъ уже уѣхалъ для освѣдомленія о съѣздѣ въ сѣверные и восточные города области, а Петрашкевичъ долженъ выѣхать немедленно въ Тулу, въ Орелъ, Елецъ съ той же цѣлью, чтобы 7-го всѣмъ съѣхаться въ Рязани.

Къ назначенному времени почти всѣ участники съѣзда были на лицо. Мое присутствіе на немъ, какъ не принадлежащаго къ организаціи, было необязательно, къ тому же время мое было занято неотложными служебными разъѣздами, Бѣльскій же не поѣхалъ въ Рязань неизвѣстно по какой причинѣ.

Съѣздъ собрался съ величайшимъ трудомъ, такъ какъ ему мѣшала почему-то ставшая на ноги полиція. Все же онъ собрался, работалъ два дня и успѣлъ выбрать делегатовъ на лондонскую конференцію. Въ концѣ второго дня засѣданій, въ виду происшедшаго въ Рязани переполоха, всѣ члены совѣщанія должны были разойтись. Оказалось, что полиція, производя чуть не повальные обыски и аресты, натолкнулась на мастерскую взрывчатыхъ веществъ (въ квартирѣ одного доктора, въ комнатѣ его племянника), принадлежащую какой-то автономной группѣ максималистовъ. Во время этого переполоха были арестованы, частью на вокзалѣ, частью въ гостинницѣ, нѣсколько участниковъ съѣзда, между прочимъ Сержантовъ (изъ Тулы), Лотошниковъ и Петрашкевичъ. Делегатамъ, избраннымъ съѣздомъ на конференцію, удалось благополучно прибыть въ Москву. Были избраны: Кузнецовъ, Лотошниковъ, Сорокинъ, и не помню кто еще; изъ нихъ Сорокинъ еще будучи на съѣздѣ, отказался отъ своихъ полно-

мочій, кажется, по семейнымъ обстоятельствамъ. Остальные же отправились на условную квартиру для встрѣчи съ Мих. Петр., чтобы получить деньги на дорогу и окончательные мандаты для конференціи. Здѣсь они немедленно и были всѣ арестованы вмѣстѣ съ Мих. Петр.—и хозяйкой квартиры.

Такъ неудачно закончился и этотъ областной съѣздъ. Осталось пока неизвѣстнымъ, съѣздъ ли былъ причиной общаго переполоха въ Рязани, среди котораго попала и мастерская максималистовъ, или наоборотъ, послѣдняя была причиной случайнаго ареста съѣзда. Но вскорѣ появившееся извѣстіе въ газетахъ дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ первое предположеніе. Оно начиналось слѣдующими словами: „до свѣдѣнія охр. отд. дошло, что 8-го іюля въ Рязани назначенъ областной съѣздъ п. с.-р., почему“... и т. д. Свѣдѣнія эти ошиблись всего лишь на одинъ день... И теперь уже не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что къ этому крупному провалу была приложена ловкая рука шпіона-провокатора Жученко.

Остается дополнить этотъ очеркъ еще однимъ маленькимъ штрихомъ.

Узнавъ изъ газетъ о рязанскомъ провалѣ, я пріѣхалъ въ Москву числа 10-го и въ тотъ же день случайно встрѣтилъ Сорокина; отъ него я подробнѣе освѣдомился о всемъ происшедшемъ и особенно объ арестѣ выбранныхъ делегатовъ. Передо мной сталъ вопросъ—какъ исправить хоть сколько-нибудь создавшееся положеніе относительно конференціи. Необходимо, чтобы центральная область была тамъ какъ нибудь представлена. Обсудивъ тутъ же положеніе съ Сорокинымъ, мы пришли къ выводу, что на конференцію долженъ ѣхать онъ. Основаніемъ для этого, во 1-хъ, было то, что Сорокинъ былъ избранъ на съѣздѣ делегатомъ, хотя и отказался, а во 2-хъ, что никто не могъ быть лучше его освѣдомленнымъ о положеніи дѣлъ въ области, такъ какъ онъ работалъ уже достаточно времени въ качествѣ члена обл. к-та, и былъ участникомъ хотя и кратковременнаго съѣзда. И онъ самъ совершенно былъ согласенъ со мною. Денежный и мандатный вопросъ улаживался такъ же легко. Условившись такимъ образомъ, мы распрощались, и я пожелалъ ему счастливой дороги въ Лондонъ.

Но оказалось, что И. С. Сорокину помѣшали уѣхать какія то сложныя обстоятельства, и наша область на конференціи осталась безъ представительства.

Т. С. Потапова, оказавшаяся къ этому времени заграницей, узнавъ обо всемъ происшедшемъ, возымѣла неудачную мысль послать на конференцію за отсутствіемъ избраннаго делегата отъ области,—секретаря к-та—Жученко.

Такъ, въ силу неудачно сложившихся обстоятельствъ, Жученко попала на партійную большую конференцію (гдѣ произвела, правда, очень неблагопріятное впечатлѣніе), взамѣнъ тѣхъ правомочныхъ делегатовъ, которые всѣ были арестованы благодаря ея же усиліямъ. По словамъ нѣкоторыхъ участниковъ конференціи, нельзя было предполагать, чтобы этотъ делегатъ-шпіонъ чувствовалъ себя тамъ вполнѣ въ своей тарелкѣ.

А вернувшись въ Россію и стряхнувъ съ себя всѣ пережитыя впечатлѣнія, Жученко вновь принялась съ легкимъ сердцемъ за свою продуктивную для охраны дѣятельность.

6. Арсеній Бѣльскій.

Онъ былъ рядовымъ работникомъ въ партіи, хотя одно время стоялъ въ первыхъ ея рядахъ, благодаря личнымъ связямъ съ Гершуни и другими вліятельными лицами. Рядовая же, не руководящая его дѣятельность объяснялась отсутствіемъ въ немъ должной степени знаній и способностей, какія требовались уже въ это время расширенія и значительной глубины партійной работы. Въ періодъ моего близкаго знакомства съ Бѣльскимъ, онъ, кромѣ того, былъ уже охваченъ все возростающими личными интересами и, я сказалъ бы, нѣкоторымъ охлажденіемъ къ чистымъ интересамъ партіи. Онъ продолжалъ еще работать въ ней нерегулярно, особенно послѣ перваго партійнаго съѣзда, какъ бы по инерціи, подчиняясь скорѣе привычкѣ, чѣмъ искреннему влеченію, еще не желая сознавать уже ростущаго въ немъ желанія порвать давно окрѣпшія, привычныя связи. Именно этимъ объясняется тотъ позорный конецъ, какимъ онъ кончилъ, не безъ нравственныхъ мученій, — надо это отмѣтить, — свою партійную жизнь.

Но я хочу ограничиться здѣсь изложеніемъ именно этого конца его партійной жизни, свидѣтелемъ котораго, и очень близкимъ и освѣдомленнымъ, мнѣ пришлось быть.

Остановлюсь сперва на одномъ эпизодѣ, быть можетъ, съигравшемъ нѣкоторую роль въ поворотѣ мыслей Бѣльскаго. У одного изъ его знакомыхъ, д-ра Зунделовича, былъ больной, оказавшійся впослѣдствіи служащимъ охраннаго отдѣленія—И. И. Бойцовъ-Борцовъ. Слыша часто, какъ д-ръ упоминалъ имя Бѣльскаго, онъ хотѣлъ услужить своему доктору и предупредилъ его, что за Бѣльскимъ по стопамъ ходятъ ищейки отъ черной сотни, которая, будто бы, намѣтила его какъ жертву, подобно уже убитымъ Герценштейну и Іоллосу. Это сообщеніе на Бѣльскаго должно было произвести извѣстное впечатлѣніе, и на время онъ долженъ былъ, во первыхъ отстраниться отъ всякаго участія въ работѣ партіи, а во вторыхъ, временно скрыться, куда-нибудь уѣхать изъ Москвы. Скоро присоединилось и еще одно указаніе: Жученко однажды сообщила, конечно, съ хорошо разыграннымъ ужасомъ, что, идя случайно по улицамъ Москвы сзади Бѣльскаго, она видѣла ясно, какое множество шпіоновъ ходитъ за нимъ всюду и какъ онъ былъ близокъ къ прямому нападенію на него съ ихъ стороны. Не вѣрить Жученко не было никакихъ основаній, и Бѣльскій поторопился уѣхать въ Петербургъ, а затѣмъ въ Финляндію, гдѣ онъ прожилъ нѣкоторое время и гдѣ неоднократно встрѣчался съ Гершуни, Азефомъ и др.

Описанное происходило еще задолго до начала 1909 года. Бѣльскій вернулся изъ своей поѣздки и нѣкоторое время, дѣй-

ствительно, стоялъ въ сторонѣ отъ всякихъ дѣлъ. Въ половинѣ 1908 года онъ рѣшилъ вплотную взяться за медицинскую практику и даже открылъ пріемы у себя на квартирѣ. Въ тоже время, соскучившись, какъ онъ говоритъ, по партійной работѣ, онъ бралъ на себя кое-какія небольшія порученія, только для того, чтобъ не оказаться совсѣмъ въ сторонѣ отъ партіи. Такъ онъ взялъ на свое попеченіе нелегальнаго матроса Кондратія, какъ снѣгъ на голову свалившагося на насъ послѣ покушенія на Гершельмана и впослѣдствіи оказавшагося тоже шпіономъ Кирюхинымъ[1]).

---

[1]) Неудачное покушеніе на Гершельмана (московскій генер.-губернаторъ) было предпринято въ два пріема членомъ боевой организаціи Николаемъ. Въ первомъ случаѣ оно не состоялось, благодаря неприбытію въ Москву назначеннаго для этого исполнителя, а во второмъ оно стоило, какъ извѣстно, гибели очень цѣннаго работника боевой организаціи—Севастьяновой. Кондратій же Кирюхинъ и былъ тѣмъ боевикомъ, который не явился къ мѣсту назначенія въ назначенный срокъ для перваго покушенія на Гершельмана. Спустя нѣкоторое время послѣ этого покушенія, Кирюхинъ воспользовался старыми указаніями на явки и пришелъ ко мнѣ, Онъ разсказалъ, что по дорогѣ въ Москву къ назначенному сроку онъ былъ арестованъ по какому то случайному поводу и препровожденъ въ Каширу „на уличку“, такъ какъ былъ снабженъ паспортомъ каширскаго мѣщанина. По дорогѣ туда ему удалось благополучно бѣжать, послѣ чего, убѣдившись, что за нимъ не слѣдятъ, онъ и рѣшилъ найти насъ. Молодой, здоровый, благообразный матросъ, бѣжавшій съ каторги на Амурской колесухѣ, Кирюхинъ на всѣхъ производилъ очень хорошее впечатлѣніе и своей исполнительностью въ тѣхъ мелкихъ порученіяхъ, какія давалъ ему Бѣльскій, завоевалъ настолько хорошую репутацію, что когда понадобился способный, дѣловитый и вѣрный человѣкъ для совмѣстнаго съ членомъ ц. к-та путешествія съ серьезной и отвѣтственной цѣлью въ Ташкентъ, мы не могли рекомендовать никого другого, кромѣ него. Въ этой поѣздкѣ онъ, дѣйствительно, и оправдалъ вполнѣ нашу рекомендацію, но въ дальнѣйшемъ его поведеніе поставило его въ рядъ низкихъ предателей, и въ самой охранкѣ, повидимому, мало пользовавшихся серьезнымъ довѣріемъ. Будучи въ тюрьмѣ въ 1909 году, я столкнулся съ однимъ максималистомъ, причастнымъ къ дѣлу Рязанцева, арестованнымъ въ динамитной мастерской, о чемъ было сказано въ предъидущей главѣ. Онъ вынесъ опредѣленное заключеніе, совмѣстно съ своими товарищами, что причина ихъ провала лежала въ доносѣ со стороны Кирюхина. Оказалось, что Кирюхинъ безъ разрѣшенія организаціи и тайно отъ своего ментора Бѣльскаго, завелъ связи съ максималистами, нерѣдко выѣзжалъ въ Рязань и др. города, исполнялъ кое-какія ихъ порученія и прочее. Раскрыть точнѣе его участіе въ этомъ дѣлѣ и даже сообщить объ этомъ кому-либо изъ партійныхъ людей на волѣ для меня оказалось невозможнымъ, какъ за отсутствіемъ сношеній съ волею, такъ и въ виду моего скораго ухода въ ссылку. Черезъ 3 года, будучи уже заграницей, я узналъ, что въ одномъ изъ крупныхъ предпріятій боевой организаціи съ Б. В. Савинковымъ во главѣ, кажется, въ 1910 году въ числѣ боевиковъ, работавшихъ въ Россіи, былъ и Кирюхинъ. Организація скоро замѣтила за собою несомнѣнную слѣжку и вынуждена была предпріятіе прекратить. Тщательное изслѣдованіе причинъ этой неудачи привело къ открытію среди организаціи предателя, и таковымъ оказался Кирюхинъ. Не буду здѣсь останавливаться на всѣхъ деталяхъ этого разоблаченія, несомнѣнно, представляющихъ своеобразный интересъ. Для меня остался невыясненнымъ вопросъ, дѣйствовалъ-ли Кирюхинъ совмѣстно съ Жученко, когда я предупреждалъ его объ осторожномъ отношеніи къ предложеніямъ ея въ началѣ 1909 года (см. главу 7).

Какъ бы то ни было, Бѣльскій, какъ и всѣ москвичи, былъ очень хорошо освѣщенъ въ охранкѣ, и понятно, что начиная съ 1906 года, онъ не былъ арестованъ только потому, что его при хорошемъ надзорѣ выгоднѣе было оставлять на волѣ и пользоваться имъ, какъ невольнымъ освѣдомителемъ о ходѣ дѣлъ въ партіи. Охранкѣ была въ точности извѣстна и вся его партійная біографія и даже его самочувствіе настоящаго времени, когда онъ уже пересталъ играть сколько нибудь значительную роль. Къ его аресту прибѣгли тогда, когда рѣшено было ликвидировать всѣ московскія организаціи, и при этомъ была поставлена опредѣленная цѣль, пользуясь слабостью его характера, попытаться привлечь его на свою сторону.

Приблизительно въ концѣ января 1909 г., будучи въ отъѣздѣ, я получилъ извѣстіе объ арестѣ Бѣльскаго. Это было началомъ конца, какъ оказалось скоро, и карьеры самого Бѣльскаго и всѣхъ организацій Москвы, и позорной дѣятельности Жученко. Аресты посыпались, какъ изъ рога изобилія. Азефъ былъ уже обнаруженъ, ц. к. и его организаціонное бюро стремительно выѣхали заграницу, въ оставшихся мелкихъ и крупныхъ ячейкахъ партіи наступила растерянность, всякое проявленіе ея жизнедѣятельности прекратилось, и гроза, повисшая въ воздухѣ, должна была скоро разразиться и надъ Москвой. Но все же прошло еще около мѣсяца, пока не наступилъ этотъ всеобщій разгромъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ ареста Бѣльскаго, его жена явилась ко мнѣ въ очень тревожномъ, взволнованномъ состояніи. Она сообщила, что ея мужъ освобожденъ, что онъ явился домой въ крайне разстроенномъ состояніи и разсказываетъ невѣроятные ужасы, чѣмъ и хочетъ подѣлиться со мною. Все это она говорила со слезами на глазахъ и съ явными признаками сильнѣйшаго возбужденія, что, казалось бы, противорѣчило факту освобожденія ея мужа. Очевидно, произошло нѣчто экстроординарное, что вывело изъ равновѣсія обоихъ супруговъ, и, заинтересованный самъ, я обѣщалъ быть у нихъ непремѣнно въ опредѣленный часъ.

Ровно въ 9 часовъ я подошелъ къ знакомой мнѣ двери и хотѣлъ уже взяться за звонокъ, какъ дверь отворилась и меня ожидало то же взволнованное лицо жены Бѣльскаго. Самого Бѣльскаго я засталъ тихо прогуливающимся по комнатамъ. Къ моему удивленію, онъ не вышелъ ко мнѣ на встрѣчу, какъ слѣдовало ожидать отъ человѣка, только что освободившагося изъ тюрьмы, и не выражалъ при этомъ никакой радости. Мы молча поздоровались, и я чувствовалъ, что нависла

или нѣтъ; за то для меня стало совершенно яснымъ то недоумѣніе, какое вызывалъ во мнѣ текстъ постановленія совѣта министра отправлявшаго меня всего только въ административную ссылку „за принадлежность къ террористической организаціи"! Несоотвѣтствіе между „наказаніемъ" и „преступленіемъ" било въ глаза; теперь же для меня вполнѣ выяснилось, что данныя о моемъ „преступленіи" всѣ основывались только на показаніяхъ Кирюхина.

какая-то туча, которая вотъ-вотъ разразится надо мною и придавитъ такъ, какъ она придавила уже моихъ собесѣдниковъ. Онъ показался мнѣ очень исхудавшимъ, что опять таки мало соотвѣтствовало непродолжительной и нетрудной его высидкѣ. Волненіе его не уменьшалось, а скорѣе даже увеличивалось, когда я обратился къ нему со словами привѣта и поздравленія съ благополучнымъ исходомъ его приключенія. У него же были слезы на глазахъ, а въ дальнѣйшей нашей бесѣдѣ онъ нерѣдко и плакалъ навзрыдъ.

Вотъ что разсказалъ мнѣ Бѣльскій, какъ громомъ поразивъ меня своими словами: „я обращаюсь къ вамъ, какъ къ старшему товарищу и другу,—говорилъ онъ,—какъ къ человѣку, къ которому отношусь съ безусловнымъ довѣріемъ, и, ввѣряя вамъ свою судьбу, заранѣе заявляю, что выполню ваше рѣшеніе, каково бы оно ни было, послѣ того какъ вы ознакомитесь съ совершеннымъ мною преступленіемъ“.

Такое вступленіе предвѣщало мало хорошаго, и я почти уже угадывалъ, въ чемъ было дѣло, зная мягкую натуру Бѣльскаго и слабость его характера.

А дѣло было въ слѣдующемъ.

Одиночная камера подѣйствовала на Бѣльскаго настолько угнетающе, что ему показалось, будто окончено все его благополучное существованіе, сулившее ему такъ много личнаго блага, и какъ разъ въ то время, когда онъ полусознательно сталъ отходить въ сторону отъ партіи и ея интересовъ. Для него это выяснилось только теперь съ очевидной ясностью. Всѣ старые грѣхи, если они припомнятся, жестоко ему угрожаютъ, а припомнятся они легко теперь при помощи Азефа. Обзаведясь семьей и вплотную взявшись за медицинскую практику, онъ только бокомъ касался партіи и, вѣроятно, скоро совсѣмъ бы отстранился отъ нея, не будь этого послѣдняго ареста; теперь же все должно пойти на смарку: семья останется безъ призора, а ему придется влачить, можетъ быть, жалкое существованіе гдѣ-нибудь въ ссылкѣ, и то лишь въ самомъ лучшемъ случаѣ.

Таково, мнѣ кажется, было настроеніе, охватившее его въ одиночкѣ, хотя онъ объ этомъ и не говорилъ. Подъ вліяніемъ его могло прійти желаніе отдѣлаться отъ тюрьмы и охранки во что бы то ни стало.

И вотъ, ему приходитъ въ голову несчастная мысль поговорить по душѣ съ начальникомъ охран. отд. и выложить передъ нимъ частицу своей психологіи. Онъ думалъ, что, увѣривъ его въ своихъ искреннихъ и вполнѣ легальныхъ намѣреніяхъ, онъ получитъ отъ него свободу только цѣною обѣщанія отнынѣ не участвовать ни въ какихъ партійныхъ дѣлахъ. Но не таковъ оказался фонъ-Коттенъ. Бѣльскій столкнулся въ немъ съ человѣкомъ, вооруженнымъ гораздо большимъ количествомъ данныхъ, чѣмъ можно было предполагать, съ человѣкомъ умнымъ и стойкимъ, а главное неизмѣримо сильнѣйшимъ, чѣмъ самъ Б. Для ф.-Коттена какъ на ладони было все внутреннее содержаніе Бѣльскаго, и онъ

воспользовавшись имъ по своему, могъ, что называется, обернуть его кругомъ пальца. Прежде всего онъ старался его запугать своей освѣдомленностью, какъ объ отдѣльныхъ партійныхъ работникахъ, такъ и обо всѣхъ ихъ тайныхъ предпріятіяхъ. Онъ говорилъ ему о послѣдней конференціи моск. комитета и удивлялся при этомъ, что она превысила директивы центра, не имѣя права избирать комитета, указалъ всѣхъ избранныхъ въ этотъ комитетъ, перечислилъ членовъ обл. к-та, показалъ печатныя новинки, вышедшія во время сидѣнія Б-го, перечислилъ поголовно всѣхъ извѣстныхъ партійныхъ лицъ съ детальными ихъ характеристиками и привелъ въ ужасъ Б-го, пересчитавъ по пальцамъ всѣхъ его личныхъ знакомыхъ съ подраздѣленіемъ ихъ на партійныхъ и не причастныхъ къ партіи, разсказавъ про его дѣловыя свиданія съ О. С. Миноромъ въ моей квартирѣ, съ Азефомъ, когда онъ вербовалъ при участіи Б-го новыхъ боевиковъ, и пр. Въ частности, онъ говорилъ, что знаетъ какую позицію занимаетъ сейчасъ Ал. Ив. Потаповъ, что какъ больной и очень усталый человѣкъ, онъ отстранился отъ дѣлъ, что знаетъ и видѣлъ меня — „высокаго съ большой бородой и представительнаго на видъ человѣка", равно какъ и „уважаемую" Анну Павловну. Но что больше всего изъ словъ ф. Коттена поразило и, повидимому, испугало Б-го, это указаніе его на поѣздку Б-го въ Финляндію для свиданія съ Гершуни, о чемъ я говорилъ выше. На этомъ съ глазу на глазъ, свиданіи Бѣльскій предлагалъ Гершуни свои услуги въ качествѣ члена боевой организаціи, и именно весь этотъ разговоръ дословно цитировалъ ему ф.-Коттенъ.

Можно было прійти въ ужасъ Бѣльскому, съ его преобладающимъ настроеніемъ покончить съ прошлымъ и начать новую личную жизнь! Онъ самъ вызвался на свиданіе и шелъ къ фонъ-Коттену съ благимъ намѣреніемъ убѣдить его, что онъ отнынѣ только „обыватель", непричастный ни къ какимъ политическимъ и даже общественнымъ дѣламъ; какъ школьникъ добраго стараго времени, онъ шелъ сказать своему начальству, что онъ „больше не будетъ"... вести себя дурно и что его слѣдуетъ „отпустить", позабывъ его старые грѣхи, лишь извѣстные начальству въ небольшой долѣ. Но онъ обманулся, начальству оказалось извѣстна вся подноготная его жизни и дѣятельности, и ф.-Коттенъ, чтобы окончательно запугать его, заявилъ ему, что куда бы онъ ни скрылся, гдѣ бы ни появился въ предѣлахъ Россіи, повсюду охранное и жандармское управленіе освѣдомлены о немъ въ надлежащей степени, и ему никогда не уйти отъ карающей руки ихъ тайной власти.

— Я вѣрю вашей искренности, въ заключеніе заявилъ онъ, но для насъ этого мало. Не забывайте, что вы слишкомъ извѣстная величина, если не въ настоящемъ, то въ прошломъ, и вы никогда не сможете получить свободы, если не примкнете къ сотрудничеству съ нами. Подумайте о моемъ предложеніи и скажите ваше окончательное рѣшеніе.

Оставленный наединѣ, Бѣльскій долго возмущался коварствомъ ф.-Коттена, но понемногу въ него стала проникать мысль, что, номинально принявъ предложеніе ф.-Каттена, онъ воспользуется первымъ же моментомъ, чтобы скрыться, не причинивъ никакого вреда партіи, и уѣхать заграницу. Когда эта идея окончательно сформулировалась въ въ его головѣ, онъ выразилъ ф.-Коттену свое принципіальное согласіе вступить съ нимъ въ сотрудничество, но не съ цѣлью прямой провокаціи, а лишь для доставленія ему свѣдѣній о новыхъ затѣяхъ партіи для ихъ предупрежденія.

— Провокація, это — отвратительное явленіе, – говорилъ ф.-Коттенъ, и Азефъ—это вопіющее зло, одинаково вредное и для партіи, и для правительства; поэтому я не могу предложить вамъ подобной роли и имѣю въ виду при вашемъ посредствѣ спасти тѣ горячія головы, которыя, увлекаясь борьбой, не усматриваютъ всѣхъ тяжелыхъ послѣдствій террора. Только терроръ представляетъ для насъ явленіе, съ которымъ необходимо считаться; безъ него же идея партіи есть почтенная идея, не чета с.-демократическимъ бреднямъ и переливанію изъ пустого въ порожнее. У с.-революціонеровъ здоровая точка отправленія отъ народа, и не стой въ ихъ программѣ терроръ, наша борьба съ ними не была бы такъ ожесточенна. На борьбу съ этимъ терроромъ и для спасенія увлекающихся имъ молодыхъ горячихъ головъ я и призываю васъ, обѣщая вамъ и полную безопасность, и достаточное вознагражденіе, но требуя при этомъ полной искренности отношеній и съ вашей стороны.

Такъ, или приблизительно такъ, и долго еще говорилъ ф.-Коттенъ на эту тему смущенному Бѣльскому; долго длилась бесѣда, мучительная для одного и обѣщающая успѣхъ для другого. Въ заключеніе ф.-Коттенъ предложилъ Бѣльскому опредѣленное содержаніе въ 4000 р. въ годъ и указалъ особую квартиру для систематическихъ и регулярныхъ съ нимъ свиданій.

Бѣльскій же потребовалъ, какъ гарантіи справедливости словъ ф.-Коттена, немедленнаго освобожденія, а ф.-Коттенъ, въ свою очередь, попросилъ Бѣльскаго доказать чѣмъ-нибудь искренность его побужденій, другими словами, сдѣлать какое-нибудь указаніе съ характеромъ доноса или предательства. Положеніе Бѣльскаго, и безъ того уже достаточно непріятное, становилось невыносимымъ. Передъ нимъ стала альтернатива: или, сохраняя хотя и нѣсколько тронутую уже переговорами съ ф.-Коттенъ, честь и совѣсть, возвратить себѣ право гордо держать голову, съ презрѣніемъ отказаться отъ всѣхъ предложеній и въ тоже время погубить себя и семью, или, спасая свое благополучіе, спуститься по наклонной плоскости, такъ любезно предоставляемой ему ф.-Коттеномъ, вплоть до доносовъ на своихъ, пока еще близкихъ товарищей. Стараясь найти компромиссъ въ поставленной задачѣ, онъ все же склонялся больше ко второму выходу и, уже разъ занявъ поло-

женіе соглашающагося съ предложеніемъ, пытался ограничиться чѣмъ-нибудь, на его взглядъ, незначительнымъ.

Жалкое положеніе и не менѣе жалкій выборъ! Какъ будто ф.-Коттены будутъ довольствоваться суррогатами, они, которые любятъ разсчитываться только за наличный счетъ!

Конечно, въ этомъ состояніи могъ выиграть только сильнѣйшій, а сильнѣйшимъ былъ во всякомъ случаѣ не Бѣльскій. Коттену было необходимо вытянуть изъ Бѣльскаго немногое, но вѣрное, чтобы затѣмъ основательнѣе втащить его всего въ ту грязь, гдѣ уже увязъ его коготокъ.

На хитрые вопросы и убѣжденія своего собесѣдника Бѣльскій вынужденъ былъ сдѣлать два доноса. Первый касался того охранника Бойцова-Борцова, который лечился у д-ра Зунделевича и предупредилъ Бѣльскаго о покушеніи на его жизнь черной сотни, а второй—того лица, которое недавно явилось изъ заграницы по его адресу со спеціальной цѣлью организаціи побѣга изъ женской каторжной тюрьмы и которое теперь оказалось тоже арестованнымъ съ заграничнымъ паспортомъ. Лицо это оказалось впослѣдствіи Магазинеромъ. Про Бойцова Бѣльскому казалось позволительнымъ подтвердить предположенія Коттена о его сношеніяхъ съ партіей, какъ про человѣка другого, враждебнаго лагеря, а показаніе о цѣляхъ пріѣзда Магазинера было вытянуто ф.-Коттеномъ посредствомъ обычнаго, часто имъ удающагося, пріема—требуется-де только подтвержденіе факта, доподлинно и безъ того намъ извѣстнаго, и то только для того, чтобы доказать намъ вашу искренность... Но Бѣльскій забылъ, что, подтверждая сношенія съ Бойцовымъ, онъ тѣмъ самымъ съ головой выдавалъ то, о чемъ лишь догадывались,—доносилъ на своего пріятеля д-ра Зунделовича и безвозвратно топилъ самого Бойцова [1]), только

---

[1]) Ив. Ив. Бойцовъ-Борцовъ, сколько мнѣ извѣстно, принадлежалъ въ 80-хъ годахъ къ одной изъ сибирскихъ соц.-демократическихъ организацій. Будучи арестованъ, онъ скоро перешелъ на сторону охраны и съ тѣхъ поръ работалъ тамъ, обнаруживъ недюжинныя способности въ дѣлѣ раскрытія шифрованной переписки революціонеровъ. Ко времени, описываемому мною, Бойцову-Борцову достаточно опротивѣла охранная работа, и онъ сталъ постепенно отходить отъ нея и въ то же время былъ не прочь кое-чѣмъ быть полезнымъ для партій. Но недреманое око охранки скоро почуяло измѣну съ его стороны и взяло его подъ подозрѣніе. Указаніе Бѣльскаго окончательно погубило Бойцова-Борцова, къ тому времени уже арестованнаго. Сидя въ московской таганской тюрьмѣ, гдѣ и я случайно столкнулся съ нимъ во время общихъ свиданій, онъ былъ однажды вызванъ на допросъ и подъ тяжелымъ давленіемъ фонъ-Коттена вынужденъ былъ дать ложное показаніе о томъ, что сносился съ центр. комит. партіи с.-р. черезъ меня и Бѣльскаго. Возвратившись послѣ допроса въ тюрьму, онъ немедленно отребовалъ свиданія съ прокуроромъ и объявилъ ему, что это показаніе было вырвано у него насильно, угрозами и издѣвательствами и что оно отъ начала до конца вымышленно и составлено самимъ охраннымъ отдѣленіемъ. Обстоятельство это подвергло его новымъ угрозамъ, закончившимся обѣщаніемъ заморить его въ этапныхъ клоповникахъ... И дѣйствительно, высылаемый въ якутскую область вмѣстѣ съ женою и, кажется, двумя малолѣтними дѣтьми, Бойцовъ-Борцовъ безъ всякой нужды былъ выдержанъ двѣ недѣли или больше въ общей камерѣ для пересыльныхъ Бутырской тюрьмы, въ которой слѣдомъ

лишь заподозрѣннаго, а откровенничая на счетъ Магазинера дѣлалъ прямой доносъ на задуманное максималистами предпріятіе.

Въ результатѣ всего сказаннаго Бѣльскій былъ выпущенъ изъ тюрьмы при такой искусственно созданной обстановкѣ, которая не внушала бы подозрѣній товарищамъ, оставшимся въ тюрьмѣ и находящимся на волѣ. На свиданіе съ ф.-Коттеномъ онъ долженъ былъ явиться дня черезъ 4—5.

Только теперь Бѣльскій осозналъ всю мерзость своего поведенія и черезъ меня желалъ найти какой-нибудь выходъ изъ создавшагося положенія. Я наотрѣзъ отказался единолично рѣшить этотъ трудный вопросъ и предложилъ передать его на рѣшеніе совмѣстно еще съ двумя товарищами, съ моей женой Анной Павловной и Ал. Ив. Потаповымъ, на что Бѣльскій и согласился, впрочемъ не безъ труда. Нами было выработано слѣдующее рѣшеніе: содѣянное до сихъ поръ Бѣльскимъ обнаруживаетъ его непростительную слабость, но не носитъ въ себѣ признаковъ злостнаго характера; хорошо зная Бѣльскаго, мы единогласно пришли къ выводу, что провокаторомъ онъ не можетъ сдѣлаться, это противорѣчило бы всему складу его натуры; поэтому онъ долженъ сохранить создавшееся положеніе, отнюдь не ухудшая его ни единымъ ложнымъ шагомъ, долженъ категорически отказаться отъ дальнѣйшихъ сношеній съ ф.-Коттеномъ и ни въ какомъ случаѣ не брать отъ него денегъ; для этого онъ долженъ немедленно выѣхать заграницу и тамъ отдаться на формальный судъ товарищей. Отъ дальнѣйшихъ сношеній и связей съ партіей онъ во всякомъ случаѣ долженъ отказаться впредь до рѣшенія суда.

Это наше постановленіе Бѣльскимъ было принято безапелляціонно, и оставшіеся ему 3 дня (до назначеннаго ф.-Коттеномъ свиданія) онъ употребилъ на то, чтобъ собраться въ дорогу.

Прошла недѣля или немного болѣе, какъ ко мнѣ вновь явилась его жена съ извѣстіемъ, что Бѣльскій арестованъ на дорогѣ и содержится въ Гомелѣ при крайне тяжелыхъ условіяхъ. На просьбу дать какой нибудь совѣтъ или помочь чѣмъ нибудь, я рѣшительно не могъ сдѣлать что нибудь реальное, зная опредѣленно, что партія безсильна что нибудь предпринять при создавшихся условіяхъ, и могъ посовѣтовать только прибѣгнуть къ помощи дяди Бѣльскаго—жандармскаго генерала въ Варшавѣ, который помогалъ ему и раньше, и съ

за нимъ пришлось пробыть два дня и мнѣ вмѣстѣ съ Ал. Ив. Потаповымъ, и я смѣло удостовѣряю, что лучшаго клоповника для Бойцова-Борцова фонъ-Коттенъ выдумать не могъ. Не говоря уже о чрезмѣрной духотѣ, крайней нечистоплотности уголовныхъ въ числѣ 150 и больше натолканныхъ въ камерѣ, разсчитанной всего на 10—20 чел., въ ней было такое множество голодныхъ клоповъ и всякой другой нечисти, что уснуть было едва возможно послѣ двухъ-трехъ ночей, проведеныхъ совершенно безъ сна... Это 2-хъ недѣльное сидѣніе Бойцова-Борцова было началомъ данныхъ ему ф.-Коттеномъ испытаній...

этой цѣлью предложилъ ей съѣздить въ Варшаву самолично. Пока она не вернулась изъ своей поѣздки, вмѣстѣ съ дядей—генераломъ, Бѣльскаго привезли въ Москву, гдѣ онъ и былъ отданъ въ руки ф.-Коттена и его прислужниковъ. Въ послѣдствіи стало извѣстно, что съ нимъ обращались сурово, неоднократно доводя его до обморока, и выжали изъ него все, что онъ могъ дать. Въ концѣ концовъ онъ далъ охранѣ полный списокъ лицъ, какъ активно участвующихъ въ дѣлахъ партіи, такъ и особенно сочувствующихъ и помогающихъ партіи не активно. Аресты и обыски, послѣдовавшіе 8 марта, на половину произведены по его указанію. Это несомнѣнно относительно д-ра Зунделевича, д-ра Каплана, Потаповыхъ, Майновой, Спокойной, двухъ студентовъ, помогавшихъ ему при отъѣздѣ заграницу, Ник. Пав. Рождественскаго, стараго адвоката, всегда чѣмъ могъ помогавшаго намъ, для котораго этотъ случай оказался роковымъ, такъ какъ онъ умеръ отъ разрыва сердца въ тотъ моментъ, когда явился за нимъ одинъ изъ членовъ охраны, С. А. Балавинскаго и другихъ.

Ко времени пріѣзда дяди—генерала, Бѣльскій уже былъ выжатъ, какъ лимонъ, по крылатому слову охранки и выброшенъ за ненадобностью и, теперь уже, полной безвредностью.—Благодаря заступничеству дяди, имѣвшаго большой вѣсъ въ сыскной полиціи, онъ избавился отъ ссылки и получилъ разрѣшеніе выѣхать для леченія заграницу. Тамъ онъ пытался оправдать себя передъ лицомъ товарищескаго суда, что окончилось неудачей отчасти благодаря новымъ фактамъ, доказывающимъ слабость и трусость Бѣльскаго, отчасти благодаря явной его неискренности, которою онъ хотѣлъ смягчить степень своей вины.

Во всякомъ случаѣ карьера Бѣльскаго въ партійномъ смыслѣ кончилась и дальнѣйшія попытки его къ реабилитаціи не имѣютъ серьезнаго значенія.

Заканчиваю этотъ очеркъ указаніемъ на отношеніе Жученко къ описанному этюду.

Само собой разумѣется, что она имѣла непосредственное отношеніе къ рѣшенію охр. отдѣл. ликвидировать московскія организаціи партіи и ликвидацію эту начать съ Бѣльскаго. Его предшествовавшая и настоящая роль въ партіи была ей достаточно извѣстна, и потому на его арестъ она должна была смотрѣть, какъ на окончательное изъятіе Бѣльскаго изъ сферы свободной дѣятельности. Каково же было ея удивленіе, когда онъ былъ освобожденъ всего лишь черезъ 2 недѣли! Ясно, что произошло нѣчто, обѣляющее Бѣльскаго въ глазахъ охранки, и таковымъ могло быть вступленіе Бѣльскаго въ число ея сотрудниковъ. Тогда не могъ ли онъ провѣдать что нибудь про нее и ея отношенія къ ф.-Коттену? Съ другой стороны, не довѣряя Бѣльскому, она могла бояться что въ этомъ возможномъ случаѣ онъ легко проговорится предо мной или кѣмъ либо изъ другихъ товарищей.

Это взволновало Жученку до такой степени, что ея дальнѣйшее поведеніе могло бы показаться подозрительнымъ, если бы дѣло происходило при другой нѣсколько обстановкѣ и если бы были на лицо какіе либо другіе факты, наводящіе на сомнѣнія въ ея добросовѣстности.

Первоначально она, какъ никогда раньше, заинтересовалась моими свиданіями съ Бѣльскимъ и пыталась всячески узнать у меня въ чемъ же дѣло. Когда это неудалось, она настойчиво, вопреки желанію Бѣльскаго, вопреки категорическому запрещенію съ моей стороны и со стороны Потапова, неоднократно врывалась въ квартиру Бѣльскаго, пыталась интервьюировать и его, и его жену, и вообще выказывала совершенно необычную для нея растерянность, необычное нарушеніе партійныхъ требованій. Ее не останавливали ни наши выговоры, ни враждебные пріемы со стороны Бѣльскаго и его жены; она пренебрегала всякой конспиративностью, не щадила самого Бѣльскаго, рисковала своей репутаціей въ нашихъ глазахъ—такъ чувство самосохраненія говорило въ ней на этотъ разъ сильнѣе осторожности.

Успокоилась она только черезъ нѣсколько дней, убѣдившись тѣмъ или инымъ путемъ, что ей не грозитъ еще немедленное разоблаченіе.

А впослѣдствіи, уже разоблаченная, въ своей перепискѣ съ Бурцевымъ она, какъ побѣдитель, свирѣпо отзывалась о Бѣльскомъ, доказывала недобросовѣстную неточность его объясненій, передержки въ его показаніяхъ и пр. Такъ, она рѣзко заявляла, что большой списокъ доносовъ не былъ составленъ охраной и подсунутъ для подписи Бѣльскому, когда онъ былъ чуть ли не въ безсознательномъ состояніи, какъ это старался обрисовать Бѣльскій, а составленъ имъ самимъ и не въ періодъ 2-го ареста въ Гомелѣ, а въ первый 2-хъ недѣльный арестъ, о чемъ онъ умолчалъ въ покаянномъ разговорѣ со мной.

А въ письмѣ 30 сентября 1909 г. самому Бѣльскому она между прочимъ писала: „Не будь вы трусомъ, не подзови вы оборванца за билетомъ на ст. Гомель (вмѣсто того чтобъ купить его самому А. П.) вы благополучно добрались бы до Парижа. За вами не слѣдили, ибо начальникъ охраннаго отдѣленія относился къ вамъ, послѣ выясненія мною вашего Wahres Geshicht, съ презрѣніемъ“ [1]).

---

[1]) Пребывая нѣкоторое время заграницей, между прочимъ въ Италіи, Бѣльскій, совершенно отстраненный отъ партіи Ц. К-томъ и слѣдственной комиссіей, испытывалъ очевидно тяжелыя нравственныя муки. Такъ въ письмѣ ко мнѣ въ ссылку онъ писалъ о своихъ тяжелыхъ переживаніяхъ, объ утратѣ изъ за одного ложнаго шага своего добраго имени и всей своей до сихъ поръ честной и незапятнанной революціонной карьеры, говорилъ о готовности умереть, не видя для себя другого болѣе чистаго пути, и въ самомъ дѣлѣ, будучи еще заграницей пытался покончить съ собою, но неудачно. Приблизительно въ это же самое время онъ писалъ своему старому другу—Киснемскому—очень бодрое письмо съ выраженіемъ восторга отъ итальянской природы и звалъ его туда же, гдѣ по его словамъ было „такъ хорошо“. Этотъ Киснемскій былъ тотъ студентъ, который снаряжалъ Бѣльскаго

7. Конецъ московскихъ организацій конца 1908 и начала 1909 г.

Послѣ лондонской конференціи фактически я остался внѣ какихъ либо организацій, но мои связи и знакомства сохранились и, по инерціи, я продолжалъ быть въ курсѣ партійныхъ предпріятій и частію даже руководилъ и знакомилъ съ ходомъ дѣлъ вновь прибывающихъ лицъ.

Позже всѣхъ изъ заграницы вернулась Жученко, которую давно уже поджидала Т. С. Потапова, такъ какъ безъ секретаря о. к-ту существовать было трудно. Самый составъ о. к. послѣ конференціи обновился опять, но пока явился назначенный ц. к-томъ одинъ Гоша (Лавровъ) и ожидалъ прибытія новыхъ членовъ въ числѣ 4-хъ человѣкъ. Изъ нихъ пріѣхала только одна Людмила (Ремянникова) и то лишь къ тому времени, когда измученная Т. С. Потапова была вынуждена уѣхать въ санаторію; но и Людмила не долго пробыла на работѣ, вынужденная уѣхать изъ Москвы по своимъ личнымъ дѣламъ. Гоша долженъ былъ вести дѣла области и исполнять всю техническую работу вмѣстѣ съ Жученко, съ которой скоро они и стали неразлучными друзьями.

Жученко поселилась въ меблированныхъ комнатахъ „Украина", и у нея опять началась былая толчея лицъ всякаго возраста, пола и положенія, вопреки самымъ элементарнымъ правиламъ конспираціи.

Гоша, то былъ въ разъѣздахъ по области, то вертѣлся въ Москвѣ вмѣстѣ съ Жученко, и въ его горячей головѣ постоянно возникали новые планы, одинъ неосуществимѣе другого, и чаще совершенно ненужные и неоправдываемые положеніемъ вещей. Я пересталъ придавать этимъ планамъ какое либо значеніе и пропускалъ ихъ мимо ушей.

Въ декабрѣ было получено первое извѣстіе о разоблаченіи Азефа. Оно ошеломило всю московскую публику и справедливо было сочтено за начало конца московскихъ организацій. Первоначально была получена телеграмма изъ заграницы, гдѣ Азефъ признавался „безусловно изобличеннымъ" и вслѣдъ за этимъ получились уже и документальныя данныя – газеты и извѣщенія ц. к.—Мѣста сомнѣніямъ больше не оставалось.

въ путь дорогу передъ его вторымъ арестомъ въ Гомелѣ и котораго Бѣльскій не постѣснялся выдать ф.-Коттену какъ и другихъ своихъ пріятелей... Получивъ письмо Бѣльскаго и зная изъ его эпопеи только то, что онъ самъ мнѣ разсказывалъ передъ поѣздкой заграницу, естественно я не могъ къ нему относиться иначе, чѣмъ относился тогда. Мнѣ жаль было этого слабаго, но до тѣхъ поръ милаго человѣка и, не вѣдая о его дальнѣйшихъ подвигахъ, я отвѣчалъ ему теплымъ и почти дружескимъ письмомъ. Это дало ему поводъ ссылаться на мое письмо, какъ на партійную реабилитацію, что однако же ничѣмъ ему не помогло. Такъ очевидно онъ колебался изъ одного настроенія въ другое пока наконецъ не установился прочно на пути исключительно личнаго благополучія въ качествѣ отщепенца нѣкогда близкой партіи.

Подъ этими острыми впечатлѣніями прошло Рождество и Новый годъ.

Ни одно праздничное собраніе не обходилось безъ того, чтобы дѣло Азефа не обсуждалось самымъ подробнымъ образомъ. Надо было видѣть какое возмущеніе вызывала роль Азефа, какими эпитетами сопровождался каждый разговоръ объ этомъ извергѣ, какой квалификаціи подвергалась его нравственная природа, и все это Жученко должна была не только выслушивать, но и подтверждать съ возможной для нея искренностью, косвенно тѣмъ самымъ квалифицируя и свою моральную физіономію.

Въ январѣ 1909 г. пріѣхала изъ заграницы Т. С. Потапова, она, кромѣ болѣе или менѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ Азефѣ, привезла еще и слабое предупрежденіе о самой Жученко. Дѣло Азефа повлекло за собою разоблаченіе многихъ провокаторовъ и предателей, и партія насторожилась, рѣшившись не только тщательно разобраться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но и пересмотрѣть заново весь списокъ членовъ партіи *). Съ этой цѣлью ц. к. обратился ко всѣмъ

---

*) Не обходилось при этомъ и безъ ошибокъ, всегда грустныхъ и тяжелыхъ уже потому, что часто они оказывались непоправимыми. Не могу удержаться, чтобъ не упомянуть здѣсь кратко объ участіи одной въ высокой степени цѣнной, преданной, вѣрной и незамѣнимой партійной работницы, погибшей послѣ разоблаченія Азефа и въ связи съ этимъ разоблаченіемъ, а также и по косвенной связи съ Жученко. Татьяна Лапина—Бэла,—какъ звали ее всѣ ее знавшіе, была рѣдкимъ незауряднымъ человѣкомъ, всей своей жизнью доказавшимъ свою искренность и беззавѣтную преданность дѣлу освободительнаго движенія и партійнымъ интересамъ. Она счастливо соединила въ себѣ и привлекательную внѣшность, и милый, открытый характеръ, съ дѣловитой серьезностью въ каждомъ предпринимаемомъ ею шагѣ.

Мое непродолжительное знакомство съ ней не даетъ мнѣ права характеризовать Бэлу основательнѣе, да и требовалось бы для того много болѣе искусное перо, но отсутствіе, сколько мнѣ извѣстно, упоминанія о ней въ писаніяхъ о томъ времени, сравнительно еще тоже близкомъ къ намъ, побуждаетъ меня посвятить ей эту краткую замѣтку. Бэла работала съ весны 1905 г. въ боевой организаціи, всегда рука объ руку съ Азефомъ, исполняя всевозможныя его распоряженія. вѣрила въ него не только какъ въ главу организаціи, но и какъ въ одного изъ основателей партіи и ея основоположника, и потому можно себѣ представить какое впечатлѣніе должно было на нее произвести разоблаченіе истиной роли Азефа. И дѣйствительно, какъ передаютъ близко знавшіе заграницей Бэлу въ это время, она необыкновенно мучительно переживала свое разочарованіе, потеряла вѣру въ людей вообще и страшилась за самое существованіе партіи, Всѣ основы ея моральнаго существа были подорваны и она близка была уже тогда къ самоубійству. Къ этому моменту и къ этому тяжелому настроенію неожиданно присоединяется новый фактъ. еще болѣе ужасный для истрадавшейся души Бэлы. Законченная шпіонская работа Жученко не могла не дать партіи первоначально очень слабыхъ указаній на существованіе среди нея женщины-провокатора. Партія и ея слѣдственная комиссія терялись въ дагадкахъ; данныхъ кромѣ того. что это женщина съ иностранной фамиліей и кое какихъ другихъ мало существенныхъ не было, не было особенно и указанія на мѣсто, гдѣ подвизалась эта жещина—шпіонъ. Страннымъ непонятнымъ образомъ эти слабыя указанія сошлись на Татьянѣ Лапиной, не взирая на то, что ея фамилія была далека отъ иностранной. Когда объ этомъ узнала

товарищамъ, стоящимъ внѣ подозрѣній, съ просьбой указать ему тѣхъ лицъ, изъ членовъ партіи, по отношенію къ которымъ у нихъ возникаютъ какія либо подозрѣнія. Предполагалось на основаніи полученныхъ такимъ образомъ данныхъ назначить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особое слѣдственное производство. Этотъ порядокъ, предполагалось, обнаружитъ всѣ скрытыя связи русской тайной полиціи въ партіи и очиститъ послѣднюю отъ накопившейся грязи предательства. Указанія такія стали поступать, и одно изъ нихъ касалось Жученко. Она оказалось, внушала подозрѣніе Маргар. Вноровской въ періодъ еще 1906 г., когда она оставалась цѣлою и невредимою въ то время, какъ кругомъ нея валилось все съ необычайной быстротой и по непонятнымъ причинамъ. Къ сожалѣнію, эти подозрѣнія какой нибудь фактической основы за собою не имѣли, и вотъ почему они не были переданы преемственно другимъ членамъ партіи, смѣнившимъ Вноровскихъ. Впослѣдствіи и Ол. Ив. Вноровская говорила, что никогда не относилась къ Жученко съ полнымъ довѣріемъ, но не могла сказать этого во всеуслышаніе, за отсутствіемъ самомалѣйшаго фактическаго основанія.

Къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ приводитъ этотъ взглядъ на предательство, какъ на величайшее преступленіе, подлость и грѣхъ! Ничего не можетъ быть отвратительнѣе этого рода преступленія и потому заподозрить въ немъ невиннаго человѣка равносильно тому, чтобъ толкнуть его на самоубійство. Отсюда вытекаетъ то нецѣлесообразное слѣдствіе, что такого обвиненія не можетъ взять на себя ни одинъ порядочный и честный человѣкъ. Но тѣ неисчислимыя бѣдствія, къ какимъ влечетъ за собою этотъ предразсудокъ, должны бы были поставить на очередь вопросъ о томъ, чтобы изслѣдованіе добросовѣстности еще не пріурачивалось къ обвиненію въ предательствѣ.

Но противъ Жученко фактовъ не было, и она оставалась съ этого момента, не устраненной отъ дѣлъ, подъ слабымъ

сама Бэла, она энергично требовала отъ слѣдственной комиссіи возможно быстраго разслѣдованія дѣла, предоставивъ для того во всей полнотѣ всѣ данныя ея безупречной жизни. Комиссія и сама знала чистоту ея намѣреній и дѣятельности, и добросовѣстно старалась найти тому непреложныя доказательства. Задачей комиссіи такимъ образомъ стало не обвиненіе Бэлы, а ея реабилитація, но для этого была необходима какая либо фактическая опора, а таковой не находилось и дѣло временно замолкло. Бэла нѣсколько успокоилась. Но скоро до нея вновь дошли слухи, что ведется новое разслѣдованіе о ней, что партія опять сомнѣвается въ ея добросовѣстности и тѣмъ порочитъ, смѣшиваетъ съ грязью ея доброе имя. Это уже было не возможно перенести идеально честной, душевно измученной до послѣдней возможности Бэлы, и эта мужественная женщина покончила съ собою, оставивъ посмертную записку, полную живыхъ упрековъ людямъ, нещадящимъ чести и самолюбія своихъ собственныхъ, близкихъ по работѣ, товарищей.

А черезъ нѣсколько недѣль послѣ этой трагической смерти была найдена та женщина-провокаторъ, тѣнь которой была наброшена на невинную Бэлу. Она оказалась Зинаидой Жученко.

товарищескимъ изслѣдованіемъ до конца полной ликвидаціи московскихъ комитетовъ.

Что касается до московскаго комитета, то дѣятельный, вліятельный и сильный въ революціонный періодъ (до 1-го съѣзда партіи), онъ еще функціонировалъ до конца выборовъ во 2-ю Госуд. Думу то подъ руководствомъ особаго уполномоченнаго ц. к-та (Вороновъ, Слетовъ), то орг. бюро, имѣвшаго тогда еще резиденцію въ Москвѣ. Но послѣ разгрома, такъ называемой московской конференціи онъ влачитъ нѣкоторое время жалкое существованіе. Послѣ же тамерфорскаго съѣзда м. к тъ перешелъ въ руки мало компетентныхъ лицъ и постоянно съѣдался проникшимъ въ его нѣдра предательствомъ и даже хулиганствомъ. Особенно выдающимся фактомъ этого періода его существованія были злостные выходки, если не провокація, близко стоявшаго къ нему нѣкоего Павлова, ближайшаго друга и довѣреннаго члена к-та Хмурова. Этотъ Павловъ, напримѣръ, съ поддѣльными полномочіями м. к-та являлся въ ком. красн. креста, и не только вносилъ здѣсь дезорганизацію, вмѣшиваясь въ вопросы организаціоннаго характера, но и захватывая небольшія деньги; онъ же, якобы отъ имени м. к., возбуждая ни на чемъ неоснованныя обвиненія противъ безъусловно почетныхъ дѣятелей, какъ напримѣръ д-ръ В. М. К. и проч.

Все это производило тяжелое впечатлѣніе, а рядомъ съ постоянными арестами лицъ и неудачами всѣхъ предпріятій м. к. вызвало постановленіе со стороны центра о роспускѣ всей московской организаціи и образованіи взамѣнъ ея особой организаціонной комиссіи, на которую возлагалась обязанность упорядочить все дѣло, поставить правильныя работы въ районахъ, обезпечить ихъ литературой, средствами, образовать заново пропагандистовъ, подыскать организаторовъ и, вообще, на почвѣ остатковъ стараго воздвигнуть новое зданіе.

Подборъ этой комиссіи былъ сдѣланъ цѣлесообразно и обѣщалъ дѣлу успѣхъ, если удастся примирить оставшіеся низы организаціи съ этимъ coup d'etat, исходящимъ отъ ц. к. Мнѣ пришлось быть только на первомъ организаціонномъ засѣданіи этой комиссіи, и я не припомню ея состава, кромѣ Л. М. Армандъ, сейчасъ же дѣятельно принявшейся за постановку школы пропагандистовъ. Но этотъ составъ комиссіи послѣ арестовъ былъ скоро замѣненъ новымъ, и въ него попалъ сперва нѣкій Ник. Алекс. (фамиліи не знаю) и Ташкентецъ (Веденяпинъ). Послѣдній очень скоро былъ арестованъ, а первый отличался недостаточной дѣловитостью и вскорѣ тоже былъ выхваченъ изъ рядовъ работниковъ.

Руководство организаціонной комиссіей такимъ образомъ переходило изъ рукъ въ руки и одно время даже сосредоточивалось у бывшей работницы въ „военкѣ"—Вѣры, особы очень молодой, малосвѣдущей и при томъ сильно увлекавшейся декадансомъ. Она уже совсѣмъ не могла справиться съ настойчивостью такъ называемыхъ „районныхъ представителей", требовавшихъ возстановленія нарушенныхъ демократическихъ

основъ образованія комитета. Къ концу 1908 г. во главѣ комиссіи оказался Станиславъ (Всеволодъ Батсонъ)—молодой человѣкъ, производящій очень хорошее впечатлѣніе и умѣло сдерживавшій напоръ „демократствующихъ“ элементовъ организаціи. Но и онъ въ виду лондонской конференціи былъ вынужденъ согласиться на образованіе выборной изъ районныхъ представителей руководящей группы, ручаясь за то, что всѣ выбранныя лица будутъ вести себя вполнѣ корректно до присылки руководителей изъ ц. к. и сдадутъ этимъ послѣднимъ всѣ дѣла безъ какихъ-либо противорѣчій. Этотъ ходъ пришлось одобрить, въ виду крайне остраго настроенія низовъ с.-р овской публики и въ виду партійныхъ осложненій, угрожавшихъ послѣ вскрытія дѣла Азефа.

Станиславъ приступилъ къ организаціи конференціи (мѣстной), которой предстояло санкціонировать народившуюся руководящую группу, къ созданію органа и даже къ оборудованію типографіи. Обычныя порайонныя работы продолжались по прежнему, хотя особымъ успѣхомъ они пользоваться не могли. Такъ и тянулось дѣло московской организаціонной комиссіи или моск. к-та вплоть до первыхъ мѣсяцевъ 1909 г.

Окружной московскій комитетъ продолжалъ еще существовать, но его дѣятельность, къ этому времени свелась къ minimum'у по тѣмъ же причинамъ—усиленнаго выслѣживанія и арестовъ.

Военная организація, такъ называемая „военка“, совсѣмъ прекратила свое существованіе въ Москвѣ, послѣ того какъ въ центрѣ ея произошли большіе погромы (Янъ Михалевичъ и др.).

Послѣ ареста Бѣльскаго, въ февралѣ 1909 г., областникъ Гоша, наоборотъ, пытался развить работу и продолжалъ изощряться въ неосуществимыхъ планахъ. Такъ, вмѣстѣ съ Жученко они затѣяли даже какое то серьезное предпріятіе и подобрали для этой цѣли особый кружокъ съ Худадовымъ во главѣ. Меня они просили отдать въ ихъ распоряженіе Кондратія (Кирюхина), но онъ, заранѣе мною предупрежденный, вернулся ко мнѣ съ извѣстіемъ, что отказался участвовать въ ихъ предпріятіи, найдя всю постановку дѣла съ самого начала не отвѣчающей самымъ примитивнымъ требованіямъ серьезнаго начинанія. Наконецъ настойчивое требованіе, предъявленное Гошѣ, отказаться отъ его плановъ было имъ принято тѣмъ легче, что о. к-ту предстояло заняться избраніемъ делегатовъ на новую конференцію заграницей, вызванную дѣломъ Азефа и связанной съ нимъ остановкой ц. к.

Разоблаченіе Азефа было большимъ ударомъ и для правительства. Оно не могло упустить изъ рукъ тѣ концы, которыя крѣпко удерживались съ его помощью и манипулируя которыми улавливались все новыя и новыя жертвы, какъ гигантской и крѣпкой сѣтью. Положеніе измѣнилось къ худшему еще и потому, что за обнаруженіемъ этого крупнаго хищника должно послѣдовать выясненіе цѣлой массы другихъ, помельче. Система сыска, обоснованная на бюрократическихъ началахъ,

имѣетъ свою іерархію, соотвѣтственно степенямъ партійныхъ организацій. Развалъ его, начавшійся сверху, неизбѣжно поведетъ за собой таковой же на низы. Вотъ почему охранѣ надо было торопиться по возможности всестороннимъ разгромомъ, чтобы уловить всѣ революціонные слои, до сихъ поръ извѣстные, но удерживаемые на своихъ позиціяхъ въ интересахъ расширенія ихъ дѣятельности и освѣдомленія о нихъ черезъ нихъ самихъ. Эта ловкая игра повидимому должна прійти къ концу и ликвидація партіи была предрѣшена.

Гроза нависшая надъ Москвой чувствовалась безъотчетно партійными сферами и первымъ ударомъ грома былъ, какъ сказано выше, арестъ Бѣльскаго.

Связанные съ о. к. и зависимые отъ него въ организаціонномъ смыслѣ комитеты городовъ (Орелъ, Рязань, Тула, Н.-Новгородъ и др.) въ описываемый періодъ также страшно страдали отъ провокаціи и въ этомъ отношеніи роль Жученки здѣсь была внѣ сомнѣній. Нерѣдко бывало, что пріѣзжавшіе по дѣламъ въ Москву члены этихъ организацій, неизбѣжно вступавшіе въ сношенія съ Жученко, какъ секретаремъ о. к., изчезали безслѣдно по возвращеніи домой, что обычно приписываемому времени въ большинствѣ городовъ все же оставались въ сохранности небольшія партійныя ячейки, объединить которыя и было задачей Гоши для избранія делегатовъ на конференцію.

Жученко всячески оттягивала свой отъѣздъ заграницу и, чувствуя нѣсколько недоброжелательное къ себѣ отношеніе и желая подогрѣть благорасположеніе, какимъ неизмѣнно пользовалась ранѣе, рѣшила, чтобъ у нея былъ произведенъ обыскъ, конечно, безрезультатный. Но и это не помогло, такъ какъ въ отношеніяхъ къ ней уже произошла нѣкоторая трещина и она поспѣшила наконецъ уѣхать, очевидно подробно освѣдомивши ф.-Коттена о всемъ необходимомъ.

Охранное отдѣленіе не дремало. Хорошо расправившись съ Бѣльскимъ, оно приступило къ разгрому м. к-та.

Въ концѣ февраля М. И. Леошкевичъ сообщила мнѣ по телефону, что въ ея квартирѣ арестованы Станиславъ и Д., неосторожно оставшіеся тамъ ночевать, и въ квартирѣ оставлена засада. Одновременно была выхвачена вся наиболѣе дѣятельная часть м. к-та. Оставшіеся на свободѣ пришли къ нелѣпому выводу, что причина этого разгрома лежитъ въ предательствѣ г-жи Леошкевичъ. И надо было употребить все вліяніе о. к., чтобы уговорить ихъ отъ аггрессивныхъ проявленій, возбужденной въ нихъ злобы на Леошкевичъ.

Не успѣло улечься впечатлѣніе этого факта, какъ былъ арестованъ кружокъ А. Худадова и въ городѣ произведено много обысковъ и арестовъ, причастныхъ къ нему лицъ.

7-го марта я видѣлся съ Гошей, который объявилъ мнѣ, что о. к. намѣчаетъ меня, какъ делегата на конференцію, при чемъ второй долженъ быть избранъ предстоящимъ собраніемъ представителей мѣстныхъ к-товъ, что м. к., фактически состоящій изъ нѣсколькихъ лицъ, уцѣлѣвшихъ отъ погрома и

близко знающихъ работу к-та, намѣчаетъ своимъ кандидатомъ Н. Н. Гиммера (Сухановъ), и что представители съѣдутся на собраніе въ ближайшіе дни, куда всенепремѣнно приглашаютъ пожаловать и меня.

Согласившись со всѣмъ этимъ я просилъ только быть какъ можно осмотрительнѣе, въ виду крайне тревожнаго всеобщаго настроенія, чтобы и на этотъ разъ не оставить область безъ представительства на конференціи.

Но событія въ ночь на 8 марта разбили всѣ наши предположенія. Въ эту ночь было произведено до 35 обысковъ и около 20 арестовъ. Ликвидація партійныхъ с.-еровскихъ силъ была въ разгарѣ. Арестованы мы съ женою, Потаповы, М. Н. Майнова, Е. С. Фриденсонъ, Р. С. Спокойная, д-ръ В. П. Успенскій, и цѣлый рядъ другихъ лицъ, указанныхъ между прочимъ и Бѣльскимъ.

Уже будучи подъ арестомъ, я узналъ, что 13-го марта произошелъ и провалъ того съѣзда представителей комитетовъ, который незадолго передъ тѣмъ проектировалъ Гоша для выборовъ делегатовъ на конференцію. Этотъ арестъ былъ обставленъ съ особой торжественностью. Собраніе должно было происходить въ мастерской художника Э. Э. Лиснера, куда и нагрянулъ чуть не весь составъ охраннаго отдѣленія съ жандармскими офицерами и при участіи большой полицейской силы. Это указывало на то, что арестъ этотъ не былъ случайнымъ, а былъ подготовленъ надлежащими сообщеніями съ довольно точнымъ указаніемъ времени, мѣста и лицъ. Всего было арестовано при этомъ 5 или 6 лицъ и между ними Гоша (Лавровъ) и хозяинъ квартиры Э. Э. Лиснеръ.

Этимъ и послѣдующими мелкими арестами была закончена ликвидація московскихъ партійныхъ организацій 1908 и 1909 гг., но никакія усилія охраннаго отдѣленія не могли сломить партійной жизнеспособности: не взирая на всѣ трудности и препятствія, чинимыя отдѣльнымъ лицамъ и организованнымъ партійнымъ ячейкамъ, Московская центральная область все таки имѣла свое представительство на новой конференціи, но все это уже происходило внѣ моего поля зрѣнія.

Въ описанныхъ здѣсь перипетіяхъ партійной жизни одного только угла Россіи, хотя и центральнаго по расположенію, красной нитью проходитъ шпіонско-провокаторская дѣятельность Жученки. Правда, ясно это стало только послѣ ея разоблаченія В. Л. Бурцевымъ и не подвергалось никакому сомнѣнію во весь періодъ ея дѣятельности со стороны революціонныхъ сферъ [1]). Такъ ловко и хитро вела свое дѣло эта

[1]) За исключеніемъ развѣ самаго послѣдняго времени, начиная съ ареста Бѣльскаго и особенно послѣ указанія на нее Вноровскихъ, когда въ отношеніи къ ней возникло нѣкоторое, правда все еще слабое, недовѣріе. Только моя жена Анна Павловна съ поразительной проницательностью, хотя и поздно—въ послѣдніе дни передъ арестомъ,—опредѣленно указывала на нее, какъ на причину всѣхъ проваловъ. Она руководилась при этомъ не столько сохранностью среди общихъ про-

опытная шпіонка. И надо сознаться при этомъ, что слѣпота партійныхъ людей окрыляла Жученку до такой степени, что она разсчитывала даже подняться въ рангѣ, стать на высшую ступень іерархической лѣстницы, такъ какъ незадолго до того получила предложеніе организаціоннаго бюро занять у него мѣсто секретаря, на что охотно и согласилась. Еще бы! Это ставило бы ее очень близко къ источнику всѣхъ руководящихъ директивъ партіи, къ самому центральному комитету.

Разоблаченіе Азефа положило конецъ этимъ вожделѣніямъ.

8. Заключеніе.

Предлагаемые краткіе очерки отдѣльныхъ эпизодовъ московской партійной жизни, связанныхъ непосредственно съ предательской работой Жученко, обрисовываютъ лишь ничтожную частицу всего того зла, той массы страданія, слезъ и крови, какія лежатъ на душѣ этой роковой женщины. Изъ ея собственныхъ словъ стало извѣстно, что наиболѣе продуктивной дѣятельность ея въ этомъ отношеніи была въ періодъ московскаго декабрьскаго возстанія. Но именно этотъ-то періодъ и отличается бѣдностью показаній по отношенію къ ней. Жертвы, посланныя ею на смерть въ это горячее время, молчаливо сошли въ могилу и не могутъ заявить о себѣ, а ихъ современники, уцѣлѣвшіе и оставшіеся въ живыхъ, недостаточно для того освѣдомлены. Единственнымъ, за то безспорнымъ, матеріаломъ для оцѣнки этой дѣятельности являются собственныя показанія Жученко, обнародованныя съ такой наглой безцеремонностью, какая скорѣе можетъ говорить за неспокойный, тревожный духъ обнаруженнаго провокатора.

Но кромѣ того, среди этой наглой беззастѣнчивости есть что-то въ ея словахъ похожее на намекъ, свидѣтельствующій о болѣзненной ноткѣ въ ея психологіи. Она такъ старательно пытается снять съ себя обвиненіе въ провокаціи, что какъ будто хочетъ сбросить съ своей души какую-то лишнюю тяжесть. Она—сыщица, шпіонка, предательница, охранница, все что угодно, но „пусть только никто не думаетъ, что она провокаторша“, съ пафосомъ говоритъ она. Есть ли это частица

валовъ самой Жученко, сколько ея страннымъ упорствомъ, съ какимъ она откладывала свой отъѣздъ заграницу, несмотря на настойчивыя наши требованія, имѣвшія въ виду ея же интересы. Для Анны Павловны было ясно, что Жученко удерживаетъ отъ поѣздки что-то намъ еще неизвѣстное, какія-то другія, не наши, дѣла, которыя она должна была закончить, и потому она два или три раза пропускала уже назначенные сроки отъѣзда и вновь появлялась передъ нами, не умѣя объяснить точно причинъ этого. Наконецъ, уѣзжая дѣйствительно, она въ послѣдній свой разговоръ по телефону съ Анной Павловной, пожелала ей всякаго благополучія и закончила это пожеланіе такимъ неумѣстнымъ и злораднымъ смѣхомъ, который ни въ какомъ случаѣ не могъ исходить отъ лица, искренно желающаго добра собесѣднику. Будучи подъ арестомъ, Анна Павловна уже не сомнѣвалась въ истинной роли Жученко. Подтвержденіе этой увѣренности мы получили позднѣе, когда были уже въ ссылкѣ.

угрызенія остатковъ совѣсти, или просто это взглядъ, внушенный ей „уважаемымъ“ ея начальникомъ ф.-Коттеномъ, который онъ такъ настойчиво излагалъ въ бесѣдѣ съ д-мъ Бѣльскимъ, — во всякомъ случаѣ цѣлесообразности въ этой попыткѣ избавиться отъ обвиненія въ провокаціи мало. Да и нужно-ли прибѣгать къ этому Жученкѣ, открыто заявляющей себя и шпіономъ и предателемъ? Вѣдь и предатель стоитъ такъ же близко къ палачу, какъ и провокаторъ...

И вотъ, разоблаченная В. Л. Бурцевымъ въ августѣ 1909 года, Жученко старается держаться смѣло и гордо; она прикидывается убѣжденнымъ и безкорыстнымъ врагомъ освободительнаго движенія и даетъ пространные интервью о жертвахъ, посланныхъ ею въ тюрьмы, на каторгу и на висѣлицы!..

Изъ ея собственныхъ признаній явствуетъ, что службу свою при охранкѣ она начала съ 1895 года, выдавъ Зубатову всѣ детали заговора Распутина и Акимовой. Только этотъ свой первый служебный актъ она объясняетъ сознательной ненавистью къ революціи и приверженностью къ монархіи. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, покрыто мракомъ неизвѣстности. Уже помимо того, что молодымъ людямъ ея поколѣнія, стремящимся къ самообразованію, какъ и она въ былое время, всегда была чужда ненависть къ передовымъ идеямъ, помимо этого, зачѣмъ бы ей подвергать себя такой тяжелой карѣ, какъ 11 мѣсяцевъ тюрьмы и 5 лѣтъ ссылки, если она сознательно, для провокаціи сошлась съ кружкомъ Распутина?

Не проще-ли представить себѣ все дѣло нѣсколько иначе, не проще-ли предположить, что увлеченная вѣчно бродящей среди молодежи революціонной идеей, она, очертя голову и не соразмѣривъ своихъ силъ, бросилась въ поглотившую ее пучину. Раскрытіе же заговора обрисовало ей всю неприглядность грозящей отвѣтственности, и неустойчивый духъ, далекій отъ истинной революціонной идеи и самопожертвованія, не выдержалъ, обольстительныя рѣчи Семякиныхъ и Зубатовыхъ помогли и нарисовали возможный счастливый выходъ изъ создавшагося тяжелаго положенія, и паденіе совершилось. Стойкость выдержавшихъ испытаніе товарищей явилась укоромъ надтреснутой совѣсти предателя и... inde ira! Отъ предательства же до провокаціи — одинъ шагъ.

Въ дальнѣйшемъ дѣятельность Жученко была такова. Послѣ дѣла Распутина, гдѣ она старалась проникнуть во всѣ тайны заговора, — она въ Гейдельбергѣ открыто заявила себя членомъ партіи, и ей удалось проникнуть въ самые конспиративные круги и принять участіе во всѣхъ предпріятіяхъ партіи; въ сентябрѣ 1905 г. она приняла твердое рѣшеніе возвратиться въ Россію, чтобы принять участіе въ самыхъ серьезныхъ дѣлахъ и въ Москвѣ дѣятельно работала въ качествѣ революціонерки. По ея донесеніямъ множество народа было арестовано въ дни декабрьскаго возстанія, черезъ ея руки въ общемъ прошло много денегъ революціонеровъ и, будучи

уже въ Берлинѣ, она способствовала арестамъ въ Москвѣ“ [1]). Несмотря на протесты Жученко противъ обвиненія ея въ провокаціи, каждый шагъ въ ея охранной работѣ есть шпіонство, соединенное съ провокаціей, какъ это явствуетъ изъ ея собственныхъ словъ и изъ приведенныхъ выше эпизодовъ. Далѣе, она протестуетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ обвиненій въ корысти, между тѣмъ ничто, кромѣ жалкихъ матеріальныхъ соображеній, по существу не могло руководить ею, кромѣ развѣ естественной ненависти отщепенца и ренегата ко всему, что оказывалось чище его. „Само собой разумѣется“, говоритъ она, „что я получала очень высокое содержаніе... Матеріально обезпечила себя и моего сына“ и, конечно, это было единственнымъ мотивомъ ея позорнаго поведенія, единственной цѣлью продажи себя, преданія поруганію своего имени на долгія времена.

На ряду съ Азефомъ исторія запишетъ на своихъ скрижаляхъ и ея имя, и Жученко не можетъ забыть и не чувствовать этого вѣчнаго позора, висящаго не только надъ ея головой, но и надъ ея такъ нѣжно любимаго чада...

П. Боборыкинъ на столбцахъ „Русс. Слова“ отмѣтилъ этотъ необыкновенный фактъ шпіонства женщины, сопровождающійся чудовищнымъ цинизмомъ, своего рода бахвальствомъ, съ какимъ Жученко повѣствовала о своихъ долголѣтнихъ подвигахъ. Онъ говоритъ, что въ дѣйствительной жизни, быть можетъ, и бывали случаи привлеченія женщинъ къ этого рода индустріи, но фактовъ разоблаченій не было. Такъ, про одну даму въ концѣ 90-хъ годовъ изрѣдка говорили, что она уже слишкомъ интересуется радикальной молодежью и собственный ея радикализмъ казался кое-кому нѣсколько двойственнымъ. Но эти предположенія не вышли изъ области догадокъ. И литература, какъ вѣрный отголосокъ жизни, дѣлала нѣкоторые намеки на возможность появленія этого рода женскихъ типовъ, но и это были только намеки. Теперь эти литературныя „мечты“ осуществились съ необыкновенной силой и выразительностью, осуществились „блистательно“, говоритъ Боборыкинъ, „но и такъ позорно и гнусно, что глазамъ своимъ не вѣришь!“.

Далѣе онъ спрашиваетъ своихъ собратовъ по перу, приходила ли имъ мысль сдѣлать изъ русской женщины мать ребенка, котораго она воспитываетъ ремесломъ шпіонки?.. и приводитъ фактъ, сообщенный ему покойнымъ французскимъ академикомъ Максимомъ Дюканомъ (когда-то пріятель Тургенева), за достовѣрность котораго ручалось то, что онъ получилъ его изъ бюро „полиціи нравовъ“. „Послѣ коммуны осталась семья изъ трехъ малолѣтокъ: отецъ и мать погибли въ возстаніи. Старшій мальчикъ 8 лѣтъ долженъ былъ прокармливать остальныхъ ребятишекъ. Этотъ фактъ попалъ въ газеты. Его прочли дѣвицы одного изъ домовъ терпимости, изъ самыхъ дорогихъ. Всѣ дѣвицы расплакались и рѣшили, что

---

[1]) Всѣ цитаты по „Русс. Вѣдом.“, „Соврем. Слову“ за 1909 г. и пр.

каждая будетъ давать 10 франковъ въ мѣсяцъ изъ своего „заработка" и воспитаетъ на свой счетъ троихъ сиротъ. И такъ шло много лѣтъ, и каждая вновь поступающая дѣвица дѣлалась участницей этого ежемѣсячнаго сбора. Старшій мальчикъ уже кончилъ курсъ въ лицеѣ (ничего не зная о своихъ благодѣтельницахъ), когда М. Дюканъ разсказывалъ эту подлинную исторію".

„То были деньги женскаго безчестья; но до какой же степени они чище законнаго содержанія, на которое доблестная агентша воспитывала свое чадо?!"

Къ сказанному съ вѣроятностью можно прибавить, что старшій мальчикъ, изъ разсказа М. Дюкана, когда выросъ и узналъ объ источникѣ своего воспитанія, навѣрное, былъ проникнутъ глубокой признательностью этимъ женщинамъ, несмотря на ихъ „женское безчестье", за то, что они пожалѣли безпріютныхъ сиротъ и спасли ихъ, какъ умѣли, отъ грозящихъ имъ грязи и ужаса жизни.

Можно ли съ такой же увѣренностью сказать, что и сынъ Жученки отнесется къ своей матери хотя бы приблизительно такъ же? Конечно, нѣтъ, и это подтверждается недавно дошедшимъ до насъ слухомъ, если онъ справедливъ, что молодой Жученко настроенъ крайне отрицательно къ минувшей дѣятельности матери и ищетъ въ литературѣ соотвѣтственнаго времени хотя какихъ-нибудь оправдывающихъ ее указаній. Найдетъ ли онъ ихъ?—Едва-ли! И если онъ не пойдетъ самъ по стопамъ матери, то оцѣнка ея заслугъ въ его глазахъ будетъ равносильна проклятію ея собственнымъ сыномъ, что и явится достойнымъ возмездіемъ за многія погубленныя ею души!..

А. Прибылевъ.

6. И. И. Сухиновъ, крайній лѣвый въ движеніи декабристовъ. Біографическій очеркъ И. И. Горбачевскаго.

7. Записки княгини М. Н. Волконской.

8. Воспоминанія М. И. Муравьева-Апостола.

Изъ серіи „Наканунѣ русской революціи“.

1. Агенты и жандармы. По документамъ секретныхъ архивовъ. П. Павлова.

2. Палачи. По документамъ. П. Павлова.

3. Секретные сотрудники въ автобіографіяхъ, признаніяхъ и донесеніяхъ.

4. Зинаида Жученко. Изъ воспоминаній А. В. Прибылева.

Изъ серіи „Исторія русскаго революціоннаго и общественнаго движенія въ очеркахъ и эпизодахъ“.

1. Д. В. Каракозовъ и его дѣло.

2. И. П. Каляевъ. Его процессъ, показанія, заявленія, письма, стихи. Воспоминанія о немъ.

3. Шлиссельбургскій узникъ крестьянинъ Семенъ Олейничукъ.

4. А. Н. Радищевъ. Біографія и характеристика.

5. А. Д. Михайловъ. Автобіографія, письма, показанія. Воспоминанія о немъ.

6. Хаимъ Гершковичъ.

Изъ серіи „Революціи Запада“.

1. Революціонный трибуналъ въ эпоху великой французской революціи. Воспоминанія современниковъ и документы.

2. Процессъ Людовика XVI. Воспоминанія современниковъ и документы.

3. Процессъ и казнь Карла I, короля англійскаго. Свидѣтельства современниковъ и документы.

4. Максимиліанъ Робеспьеръ. Его жизнь и дѣятельность. Его рѣчи и современныя о немъ свидѣтельства.

5. Маратъ. Изъ исторіи журнализма въ эпоху великой французской революціи.

Цѣна 2 р. 75 к.